

СССР, ШВЕЦИЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Все-таки, что же мы будем здесь делать? Где, в чем наша опора? В Наркоминделе малым странам уделяют слишком мало внимания, не придают должного значения, пока что-либо не стряется. А тогда уже поздно.

А.М. Коллонтай. 3 октября 1934 г.¹

Война 1941-1945 гг. остается главным коллективным воспоминанием российского общества, стержнем его самоидентификации, архетипом взаимоотношений с окружающим миром. В общественном сознании непосредственные причины войны уже не сводятся к «вероломному нападению» на СССР (как ни парадоксально, этот сдвиг произошел отчасти благодаря безудержным фантазиям шпиона-перебежчика). Однако при объяснении обстоятельств, сделавших неизбежной Отечественную войну, – разрушение международного порядка и развязывание войны в Европе – советская внешняя политика 30-х гг., как правило, трактуется новым поколением историков («реалисты»-государственники) и профессиональных патриотов в согласии с каноном более чем полувековой давности². Влияние этих интерпретаций на общественное сознание обусловлено различными факторами, одним из которых является современное состояние исследований европейской политики СССР в преддверии мировой войны.

Во-первых, для сегодняшней отечественной историографии по-прежнему характерно сведение внешней политики к дипломатическим контактам и соглашениям. Используя метафору Р. Арона можно сказать, что на первое место в международных отношениях 30-х гг. выдвинулись фигуры дипломата и солдата. Тем не менее, тогдашние успехи одних и поражения других государств во многом обуславливались экономическими связями и культурно-идеологическим проникновением – неотъемлемыми составными частями внешней политики³. Во-вторых, представление историков о ведущей роли великих держав нередко

¹ А.М. Коллонтай. Дипломатические дневники. М., 2001. Т. 2. С. 261.

² Фальсификаторы истории (историческая справка). М., 1948. Ср., в частности: О.В. Вишлев. Накануне 22 июня 1941 года: Документальные очерки. М., 2001. С. 9-164; М.Ю. Мельтюхов. Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. М., 2001. С. 394-399, 407; А.С. Протопопов, В.С. Козьменко, Н.С. Елманова. История международных отношений и внешней политики России (1648-2000). М., 2001. С. 255-256; Н.А. Нарочницкая. Россия и русские в мировой истории. М., 2004. С. 259-267.

³ См.: В.К. Волков. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты, 1933-1938. М., 1966; David E. Kaiser. Economic Diplomacy and the Origins of the Second World War: Germany, Britain, France and Eastern Europe, 1930-1939. Princeton, NJ, 1980; Paul N. Hehn. A Low Dishonest Decade: The Great Powers and the Economic Origins of World War II. N.Y. and L., 2002.

сопровождается полным забвением, что эту роль они могли играть не столько в силу собственного военно-экономического потенциала, сколько благодаря активной региональной политике: согласованию интересов с другими участниками международной жизни и принятию на себя обязательств перед ними⁴. Исследование взаимоотношений Советского Союза с государствами Восточно-Центральной Европы остается преимущественно уделом историков этих стран⁵.

В статье предпринята попытка рассмотреть различные аспекты политики СССР в отношении Швеции и на этой основе оценить причины поражения курса СССР на обеспечение коллективной безопасности в Европе в 1934-1939 гг.⁶

Советско-шведские отношения в 20-е - начале 30-х гг.

1924 год, открывший недолгую эру послевоенной стабильности, стал для Советского Союза «годом признания» со стороны европейских государств, вышедших победителями из мировой войны и ряда нейтральных стран. В марте 1924 г. министр иностранных дел М. фон Вюртемберг и нарком Г.В. Чичерин обменялись нотами о восстановлении отношений между Правительством Союза ССР и Королевским Шведским правительством.

Нормализацию политических отношений со Швецией советское руководство рассматривало прежде всего в контексте развития внешней торговли. Одновременно с установлением дипломатических отношений были подписаны торговое соглашение и декларация об отказе от взаимных претензий. Импорт из Швеции в 1924-1925 хозяйственном году вырос в 4,5 раза, а еще год спустя – превысил предвоенный уровень⁷. Однако возвращение СССР на мировой рынок лесоматериалов вызвало напряженность в отношениях со шведскими деловыми кругами. Эйфория от первых успехов советского лесного экспорта, в результате которых «шведам лишь с большим трудом и большими финансовыми потерями удалось кое-как удержаться на своих позициях», породила надежды на «несомненное

⁴ Иллюстрацией этого тезиса применительно к 1930-м гг. может служить великодержавное значение Италии на европейском континенте и в Средиземноморье, далеко превосходившее влияние США в этом регионе.

⁵ См., в частности: Magnus Ilmjärv. Silent Submission. Formation of Foreign Policy of Estonia, Latvia and Lithuania. Period from Mid-1920s to Annexation in 1940. Stockholm, 2004; idem. Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus. 1920. aastate keskpaigast anneksioonini. Tallinn: Argo, 2004; Peter Pastor. Hungarian-Soviet Diplomatic Relations 1935-1941: A Failed Rapprochement // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 56. No. 5. P. 731-750. К наиболее ценным работам по этой проблематике следует отнести главы коллективной монографии Института славяноведения РАН, подготовленные С.З. Случем и М.Д. Ерещенко (Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939-1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999).

⁶ Проведенное исследование получило поддержку Королевской академии наук (Kungl. Vetenskapsakademien) и Королевской академии письменности, истории, и древностей (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien). Авторы благодарят руководство и сотрудников Архива внешней политики МИД РФ, Российского государственного архива Военно-морского флота (в особенности П.В. Петрова), Российского государственного архива социально-политической истории, других архивных учреждений, материалы которых использованы в данной работе.

⁷ В.А. Шишкин. Цена признания. СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924-1929 гг.). СПб., Наука, 1991. С. 92-94.

оттеснение шведов» и подталкивала Москву к отказу от переговоров о разделе европейского лесного рынка⁸. Не сбылись и надежды шведских предпринимателей на получение концессий: единственными крупными шведскими предприятиями к началу 30-х гг. (когда они перешли в руки государства) оставались электромеханический завода в Ярославле (АСЕА) и производство подшипников в Москве (СКФ)⁹.

В 1920-е гг. советские инстанции активно искали подход к *parvenu* шведской экономики – «спичечному королю» Ивару Крюгеру. Весной 1927 г. Политбюро одобрило договоренность о предоставлении Крюгеру спичечной монополии на 40 лет в обмен на займ в размере 35 млн. долларов¹⁰. Полпредство в Стокгольме предвкушало сделку с «одной из существеннейших здесь для нас фигур», который «мог бы много способствовать укреплению наших позиций в здешних деловых кругах, его всегда можно было бы использовать как своего рода противовес влиянию Валленбергов» - ведущей финансово-промышленной группы Швеции¹¹. Этот и последующие попытки соглашения с авантюристичным Крюгером так и не были осуществлены (последнюю точку в многолетних переговорах поставили крах концерна Крюгера и его самоубийство в 1932 г.).

Главной темой политических взаимоотношений СССР и Швецией во второй половине 1920-х гг. явились переговоры о заключении «гарантийного пакта». Выдвижение этой идеи стало реакцией СССР на заключение Локарнских соглашений. В сближении западных держав с Германией большевистское руководство усматривало «план расстановки сил для новой войны, а не для мира»¹², в проектах «Восточного Локарно» – угрозу создания польско-прибалтийского союза. Осознавая уязвимость постреволюционного режима, его лидеры воспринимали любые международные усилия по укреплению статус-кво как направленные в конечном счете на организацию антисоветской интервенции. На рубеже 1925-1926 гг. Москва решительно противопоставила соглашениям о региональной безопасности под эгидой Лиги Наций линию на заключение двусторонних договоров о ненападении и нейтралитете. Первоочередным адресатом советской инициативы являлись, наряду с Германией, страны Балтии и Польша. Наряду с этим НКВД решил обратиться с аналогичным предложением с самому «солидному» и уважаемому государству Скандо-Балтийского региона.

В январе 1926 г. заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов поручил полпреду затронуть в беседе с главой МИД Швеции Э. Унденом вопрос о возможности

⁸ Доклад В.Л. Коппа М.М. Литвинову, 31.8.1929. – Архив внешней политики Российской Федерации (далее - АВП РФ). Ф. 0140. П. 112. Д. 243. Л. 64-65.

⁹ См.: Anders Johansson. Swedish Concessionaires in the Soviet Industry: Experiences of Foreign Participants in the Rise and Fall of NEP, “The First Perestroika” // John Hiden and Aleksander Loit (eds.). Contact or Isolation? Soviet-Western Relations in the Interwar Period / Studia Baltica Stockholmiensia. Vol. 8. Uppsala, 1991. P. 190, 198-203.

¹⁰ Björn Gäfvert. Ivar Kreugers förhandlingarna med Sovjetunionen // Historisk tidskrift. 1976. N 2. S. 158-160.

¹¹ Письмо С.В. Дмитриевского Д.Т. Флоринскому, 11.8.1927. –АВП РФ. Ф. 05. П. 110. Д. 202. Л. 29-29 об.

¹² Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б), 18.12.1925 // И. Сталин. Соч. Т. 7. М., 1953. С. 277.

заключения договора о ненападении и нейтралитете по образцу советско-турецкого договора¹³. Лояльный член Лиги Наций, Швеция, однако, не имела причин поддерживать усилия СССР по выстраиванию параллельной системы международных гарантий. Следуя своей общей политике на создание механизмов мирного разрешения споров, Стокгольм был заинтересован главным образом в соглашении с Москвой о порядке урегулирования конфликтных вопросов. Предложенный шведской стороной проект в НКВД сочли неприемлемым. Договор со Швецией на этот счет мог служить Москве лишь в качестве «прецедента для заключения подобных же соглашений с другими государствами, с которыми возможны более частые серьезные и грозные по своим последствиям конфликты, для разрешения которых нам попытаются навязать арбитраж. Сами мы предпочитаем не иметь никаких соглашений ни арбитражных, ни согласительных, но выбираем согласительные, как меньшее зло»¹⁴. Драматическое ухудшение отношений с Англией побуждало СССР к активизации советско-шведских переговоров, имея в виду заключение гарантийных пактов «со всеми скандинавами»¹⁵. Дипломатические инициативы Москвы в марте – июле 1927 г. также не привели к положительному исходу. Вместе с тем проявленные Москвой настойчивость и едва ли беспрецедентная готовность к обсуждению согласительной процедуры¹⁶ свидетельствовали о стремлении СССР к улучшению политических отношений со Швецией.

Опыт конца 20-х гг., безусловно, охладил интерес руководства НКВД к налаживанию политического сотрудничества со Швецией. Новое десятилетие начиналось для Москвы под знаком поддержания корректных отношений со Стокгольмом, но безо всяких серьезных надежд на взаимное сближение. Эту мысль за несколько месяцев до своей смерти емко выразил полпред В.Л. Копп: «Далекие от всякой политической интимности наши взаимоотношения со Швецией, имели за истекший (1929-й. – Авт.) год вполне нормальный характер»¹⁷. Если намерение строить советско-шведские отношения на тех же международно-политических основаниях, что и отношения СССР с Германией и Турцией подразумевало возможность совместного обсуждения балтийских проблем, то разочарование в сближении со Швецией качнуло маятник советской политики в обратном направлении. Руководитель Наркомата по иностранным делам М.М. Литвинова в декабре 1929 г. заявил о «возникновении в некоторых шведских кругах империалистических стремлений в сторону востока», что «требует с нашей стороны внимания»¹⁸. Полпредство в Стокгольме призывало

¹³ Письмо М.М. Литвинова В.С. Довгалевскому, 5.1.1926 // ДВП СССР. Т. 9. С. 10.

¹⁴ Письмо М.М. Литвинова В.С. Довгалевскому, 30.11.1926. – АВП РФ. Ф. 0140. П. 108. Д. 157. Л. 5-6.

¹⁵ Выписка из письма М.М. Литвинова В.Л. Коппу, 22.3.1927. – Там же. П. 110. Д. 204. Л. 25.

¹⁶ Впервые применение согласительной процедуры было установлено в гарантийном договоре СССР с Латвией, однако этот договор, парафированный в марте 1927 г., так и не был подписан. Решающий сдвиг произошел лишь в начале 1929 г., когда СССР подписал согласительную конвенцию с Германией.

¹⁷ Доклад В.Л. Коппа М.М. Литвинову, 7.1.1930. – АВП РФ. Ф. 0140. П. 113. Д. 257. С. 116-117. Формула Коппа была признана удачной. См.: СССР. Год работы правительства (материалы к отчету за 1928/29 бюджетный год). М., 1930. С. 14.

¹⁸ Доклад и. о. наркома иностранных дел М.М. Литвинова на II сессии ЦИК СССР 5-го созыва 4.12.1929 // ДВП СССР. Т. 12. С. 631.

Центр не драматизировать сообщения о взаимных визитах государственных деятелей Швеции и прибалтийских стран и подчеркивало, что стремления шведов идут больше «по линии поднятия культурного престижа, чем по линии экономического завоевания Прибалтики»¹⁹. Фактически заявление Литвинова и последовавшие за ним рассуждения о «шведском империализме» означали, что СССР отныне считает для себя неприемлемой всякую активность Швеции в отношении стран восточной Балтии. Задачи советской политики в отношении Швеции в начале 30-х гг. рисовались главным образом как поддержание ее «нейтральности» в случае военного конфликта в Европе²⁰.

Историческая победа шведских социал-демократов на выборах в риксдаг в сентябре 1932 г. не вызвала серьезного внимания советских внешнеполитических инстанций, которые похоже, рассматривали успех СДРПШ как недолговременный. «Известия ЦИК» едва ли не сожалели, что «теперь Швеция стоит перед перспективой стать ареной экспериментов шведского отряда международной социал-демократии»²¹. Москва не ожидала перемен во внешней политике страны и полагала, что правительство Пера Альбина Ханссона будет мало отличаться от коалиционных кабинетов, в которых начиная с 1917 г. не раз участвовали социал-демократы. В октябре 1932 г. премьер-министр заверил полпреда СССР в Стокгольме А.М. Коллонтай в том, что «социал-демократия больше, чем все другие партии, заинтересована в том, чтобы установить тесный контакт с Союзом в области хозяйственных интересов, и что, разумеется, и в области внешней политики эсдековский кабинет будет вести дружественную нам линию»²².

Судя по отдельным высказываниям руководителей НКВД, они были не чужды понимания того, что некоторые «узлы мировой политики и Прибалтики срачиваются в Стокгольме»²³, и признавали полезность развития экономических связей со Швецией. Однако для советской политики в целом шведский фактор оставался загадкой, на разрешение которой не было ни сил, ни желания. «Наши дела со Швецией отходят в Москве на третьестепенный план, это я чувствую по письмам из Москвы», – отмечала Коллонтай в ноябре 1932 г.²⁴

Советская политика коллективной безопасности и страны Балтии (1933-1935 гг.)

Разложение Веймарского режима и установление в начале 1933 г. национал-социалистской диктатуры драматически акцентировали новую роль Германии как возрожденной промышленной державы, требующей возвращения отторгнутых территорий и, прежде всего, равноправия в вооружениях. С точки зрения СССР, из объекта

¹⁹ Доклад В.Л. Коппа М.М. Литвинову, 1.1.1930. – АВП РФ. Ф. 0140. П. 113. Д. 257. Л. 117.

²⁰ См.: Доклад А.М. Коллонтай в стокгольмской ячейке ВКП(б) («Мой доклад в мае 1932 г. на землячестве»). – РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 54. Л. 22.

²¹ Известия. 23.9.1932.

²² Запись беседы А.М. Коллонтай с П.А. Ханссоном, 15.10.1932 // ДВП СССР. Т. 15. С. 571.

²³ А.М. Коллонтай. Дипломатические дневники. Т. 2. С. 212.

²⁴ Там же. С. 133.

империалистической политики государств-победителей Германия превращалась в ее главного европейского субъекта. Советско-германское противостояние «сильным мира сего» (прежде всего, Франции и Великобритании), общая с Берлином заинтересованность в расшатывании европейского порядка становились для Москвы делом прошлого.

К переосмыслению прежних внешнеполитических установок советское руководство побуждали также расширение конфликта на Дальнем Востоке, внутренние экономические трудности и социальная нестабильность. Поддержание мира на западных границах СССР, как показали переговоры с Францией, Польшей и Румынией о заключении пактов ненападения в 1931-1932 гг., было тесно связано с общим урегулированием отношений СССР с государствами, заинтересованными в сохранении международной стабильности. В советской внешней политике наметился переход от поддержки ревизии Версальского порядка к защите основ послевоенного статус-кво, от непризнания любых многосторонних соглашений к участию в региональных и «универсальных» объединениях; от соглашений «негативного» характера (о взаимном ненападении и неучастии во враждебных комбинациях и экономических санкциях) к договорам об оказании взаимной помощи.

При этом Москва дистанцировалась от признания государственно-территориального status quo в Восточно-Центральной Европе и не отказалась от убежденности в том, что враждебность к СССР со стороны исторически обреченного капиталистического мира в конечном счете найдет разрешение в новом туре войн и революций, расширении границ и влияния социалистического государства. Соединение эгоцентричной политической стратегии и дипломатии коллективной безопасности воплотилось в знаменитом сталинском выступлении на XVII съезде ВКП(б) о том, что «мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящее время на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными государствами, незаинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний»²⁵.

Летом 1933 г. Москва вступила в консультации с Францией о заключении договора о взаимной помощи. В декабре Политбюро поддержало идею заключения «регионального соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии» и вступление СССР в Лигу Наций. На рубеже 1933-1934 гг., отчасти в связи с разработкой планов сотрудничества СССР с Францией и ее восточноевропейскими союзниками, Наркоминдел приступил к активизации советской политики в Балтийском регионе. В инструкциях полпредам отмечалось, что «сейчас повсюду, от севера Европы до Балкан» наметился «процесс поисков сближения у малых стран», «во внешней политике прибалтийских государств, несомненно, происходят новые процессы, сдвиги и поиски новых путей»²⁶. «Эта тенденция, несомненно, начинает чувствоваться и в Швеции», - соглашалась Коллонтай. Она полагала, что для Швеции пока речь шла о сближении со скандинавскими странами, прежде всего Данией,

²⁵ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М., 1934. С. 14.

²⁶ Письмо Б.С. Стомонякова С.И. Бродовскому, 27.12.1933. - АБФ РФ. Ф. 0150. Оп. 28. П. 60. Д. 2. Л. 151.

«причем тенденция к сближению скандинавов в современной обстановке не имеет антисоветского острия»²⁷.

Подорвав польское влияние и стремясь не допустить значительного германского присутствия на востоке Балтики, советское руководство сделало заявку на роль гаранта стран региона: «Мы следим не только за явлениями, представляющими для этих стран внешнюю опасность, но и за развитием внутренних политических процессов, которые могут способствовать потере или ослаблению независимости»²⁸. Вслед за этим Политбюро утвердило единственную в своем роде комплексную программу позитивных акций по отношению к Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве²⁹. В середине декабря 1933 г., когда между СССР и Польшей начались доверительные консультации о совместной декларации в пользу сохранения независимости прибалтийских государств, польский посланник поставил перед НКВД вопрос, «не следует ли привлечь также Швецию ввиду ее заинтересованности в Прибалтике». Литвинов заявил в ответ, что «представляется сомнительной целесообразность дальнейшего расширения и наших, и польских обязательств, тем более что Швеция связана и с другими Скандинавскими странами, а в Прибалтике у нее интересы главным образом исторические»³⁰. Спустя месяц в связи с визитом министра иностранных дел Латвии в Стокгольм и «слухами о скандинавско-балтийских комбинациях», нарком поручил Коллонтай обсудить эту тему с главой МИД Р. Сандлером, «указав на наши особые интересы в Прибалтике как транзитных странах и охраняющих подступы к нам». «Цель демарша – дать понять Швеции, что мы не относимся безразлично к возможным комбинациям в Прибалтике»³¹.

В марте 1934 г., после того как план советско-польской декларации был окончательно похоронен, Москва предложила Берлину выступить с совместным заявлением об уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела стран Балтии. После германского отказа, лишь подчеркнувшего особую позицию СССР, Москва продолжала развивать идею привлечения третьих стран к обеспечению независимости Прибалтики. Согласованный в мае 1934 г. с Францией план Восточного Локарно предусматривал, в частности, соглашение о взаимной помощи между СССР, Германией, Польшей, Чехословакией и тремя балтийскими странами. В связи с этим советская сторона настойчиво пыталась добиться от Парижа обязательства вступления в войну с Германией в случае, если она предпримет агрессию против Прибалтики. Хотя такое расширение французских обязательств было решительно отвергнуто правительством, Москва продолжала его добиваться вплоть до окончания переговоров о заключении двустороннего договора о взаимной помощи. В начале 1935 г., констатируя, что Прибалтика не хотела бы остаться один на один с СССР и «больше всего

²⁷ Доклад А.М. Коллонтай Б.С. Стомонякову, 15.1.1934. – Там же. Ф. 05. Оп. 14. П. 102. Д. 108. Л. 1-5.

²⁸ Выступление М.М. Литвинова на IV Сессии ЦИК СССР 6-го созыва 29.12.1933 // ДВП СССР. Т. 16. С. 789.

²⁹ См.: О.Н. Кең, А.И. Рупасов. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. 1928-1934. СПб., Европейский дом, 2000. С. 414-424.

³⁰ Запись беседы М.М. Литвинова с Ю. Лукасевичем, 19.12.1933 // ДВП СССР. Т. 16. С. 756.

³¹ Телеграмма М.М. Литвинова А.М. Коллонтай, 21.1.1934 // Там же. Т. 17. С. 64-65.

приветствовала бы гарантию независимости со стороны западных держав, а именно Франции и особенно Англии», Литвинов предлагал Сталину на предстоящих переговорах с Иденом прозондировать «отношение Англии к ее участию в общих гарантиях независимости Прибалтики»³². Несмотря на неприятные воспоминания о британском присутствии на Балтике в 1918-1919 гг., руководство Политбюро согласилось. В беседе с Литвиновым британский министр заявил, однако, что относясь «определенно отрицательно к нарушению территориального статус-кво в Восточной Европе», его правительство «не заинтересовано специально в независимости Балтийских стран»³³.

Создается впечатление, что не будь политика США столь изоляционистской, с аналогичным запросом НКВД добрался бы и до Вашингтона. Однако возможность обращения к соседнему «шведскому империализму», т. е. социал-демократическому правительству Швеции, Москва рассматривать не намеревалась, несмотря на «подсказки» со стороны Коллонтай. Так, в связи с визитами Сандлера в Финляндию, Латвию и Эстонию в мае 1934 г. она обращала внимание НКВД на то, что «идею сближения Швеции с прибалтами социал-демократический кабинет обосновывает страхом перед фашистской Германией и необходимостью для малых стран объединиться против агрессивных замыслов фашистов. [...] Шведские социал-демократы объясняют стремление прибалтов искать сближения со Швецией как способ обеспечить себе союзника в борьбе с Германией»³⁴. Завуалированный совет был проигнорирован, впрочем, сама Коллонтай от него вскоре отказалась.

Противопоставление «особых интересов» СССР «историческим», т. е. неуместным в практической политике, интересам Швеции в восточной Балтии в действительности скрывало более широкую проблему, которая встала перед советской дипломатией одновременно с развертыванием усилий по обеспечению региональной безопасности, - как относиться к активизации шведской политики. В середине лета 1934 г. советник полпредства СССР в Швеции С.П. Белько не видел оснований для беспокойства: «Если бы шведскую внешнюю политику можно было, грубо говоря, разделить на «западноевропейскую» и «восточную», то, пожалуй, не было бы ошибкой сказать, что именно «западноевропейская» политика Швеции... находится в большой зависимости от английского влияния, в то время как «восточная политика» (связанная с взаимоотношениями с Финляндией и прибалтами, не говоря уже о Сов[етском] Союзе) проводится Швецией более или менее самостоятельно и в последнее время достаточно активно»³⁵.

Однако вернувшаяся из отпуска Коллонтай забила тревогу: «Скандинавия снова вовлекается в игру большой мировой политики [...] Скандинавия перестает быть «нейтральным фактором» на арене международных отношений»³⁶. Главную опасность полпред усматривала в том, что Швеция окажется проводником английской политики.

³² Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину «К приезду Идена» (копии Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Орджоникидзе), 22.3.1935. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 124.

³³ Запись беседы М.М. Литвинова с А. Иденом 28.3.1935 // ДВП СССР. Т. 18. С. 238.

³⁴ Фрагменты докладов А.М. Коллонтай Б.С. Стомонякову, 15.5.1934 // ДВП СССР. Т. 17. С. 773.

³⁵ Доклад С.П. Белько Б.С. Стомонякову, 14.7.1934. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 102. Д. 108. Л. 29-30.

Антибританский пафос Коллонтай представлялся Литвинову чрезмерным, однако беспокойство в отношении шведской политики вызвало его одобрение. Вспоминая, что «усиленная политическая активность Швеции началась, собственно говоря, с того момента, когда она стала проявлять особый интерес к Прибалтике», он указывал: «Наше внимание должно быть, однако, обращено не в эту сторону, и даже не на усиление влияния Англии в Швеции, а главным образом на блок Скандинавии с Финляндией». В принципе, на него «можно было бы не обращать внимания», но «за последние годы значительно усилились шовинистические агрессивные элементы не только в общественных, но и в политических кругах Финляндии», «мечта о «великой Финляндии» путем завоевания Карелии, Мурманска и чуть ли не всего Севера до Урала становится действенным фактором финляндской политики». Литвинов явно затруднялся найти для этой враждебности реальную военно-политическую базу, но тем не менее безапелляционно утверждал: «Не подлежит никакому сомнению, что Финляндия также как и Польша строит свою политику на расчетах нашего возможного конфликта на Дальнем Востоке, заранее решив вмешаться в этот конфликт. Ввиду этой установки Финляндии не приходится удивляться тому, что вся финляндская печать проявляет крайнюю враждебность к СССР, усердно защищая японские позиции при всяком советско-японском конфликте». Столь же натянутым было отождествление шведско-финского диалога со следованием Стокгольма в русле политики Хельсинки, которое фактически ориентировало советскую дипломатию на противодействие любым контактам между ними («Блокируясь при этих обстоятельствах с Финляндией, Швеция сознательно или бессознательно втягивается в антисоветские махинации») ³⁷. Заместитель наркома Стомоняков солидаризировался с оценками Литвинова и поручил полпреду бдительно следить за развитием отношений Швецией с Польшей, Финляндией и Японией ³⁸.

Коллонтай, однако, не отказывалась от своих установок относительно опасного влияния Англии. При этом она высмеяла представление будто Швеция может стать инструментом авантюристических тенденций финской политики: «...Едва ли кичливая, богатая, самодовлеющая Швеция, до сих пор рассматривавшая Финляндию как свою бывшую “провинцию” с народом “низшей культуры” (финны), шевельнет пальцем для поддержки агрессивной политики Финляндии, если за этим не будет стоять та же Англия. Рост “оборонческих” настроений в Швеции вырастает не только на почве сближения с Финляндией, а инспирируется той весьма ловкой и весьма умной политикой, какую Англия сейчас активно разворачивает в Скандинавии [...] Что налицо имеются факты сближения Швеции с Финляндией, конечно, тоже нельзя отрицать. Но не Финляндия определяет направление шведской иностранной политики и ее тяготение к определенной группе держав» ³⁹.

Участников дискуссии, при всем различии их позиций, не интересовала возможность позитивного воздействия Швеции на положение Прибалтики, на политику Финляндии и

³⁶ Доклад А.М. Коллонтай М.М. Литвинову, 1.10.1934. – Там же. Л. 45, 49.

³⁷ Письмо М.М. Литвинова А.М. Коллонтай, 14.10.1934. – Там же. Л. 50-52.

³⁸ Письмо Б.С. Стомонякова А.М. Коллонтай, 17.10.1934. – Там же. Л. 53-55.

³⁹ Доклад А.М. Коллонтай Б.С. Стомонякову, 25.10.1934. – Там же. Оп. 14. П. 102. Д. 108. Л. 63-65.

«скандинавско-прибалтийское сближение» в целом. О том, сколь близорукой была эта молчаливая установка, свидетельствует то обстоятельство, что финская дипломатия всерьез считалась со стремлением правительства П.А. Ханссона поддерживать наилучшие отношения с СССР⁴⁰. Во многом симметричные мнения Коллонтай (добивавшейся развития связей со Швецией) и Литвинова, считавшего, что и без того «Швеция не может не прислушаться к нашим заявлениям и представлениям», совпадали в главном: Швеции отводилась роль пассивного объекта советской политики.

В начале 1935 г. Коллонтай выразила Р. Сандлеру недовольство активизацией шведской дипломатии и тем, что «настроения в Швеции в смысле отношения к войне значительно изменились по сравнению с той нейтральной политикой, которая раньше была традиционной для скандинавов». Министр едва ли не извинялся, разъясняя, что неожиданный визит в Стокгольм главы польского МИД Ю. Бека носил частный характер. «Во всяком случае никаких переговоров мы с Польшей не вели и вести не собираемся, – заверил он. – Я очень прошу передать это Москве, чтобы не плодить новых недоразумений»⁴¹. Полугодом позже, после визитов в Швецию министров иностранных дел Литвы и Эстонии и президента Финляндии, Сандлер «настоячиво просил передать заверение, что никаких определенных политических задач визиты не имеют. С Эстонией и Латвией (sic!) установили, что на сегодня нет общих проблем, есть рост культурных связей; Швеция экономически мало заинтересована в этих странах, политически сторонится даже намека на блок»⁴². Вероятно, в передаче полпреда высказывания ее шведских собеседников приобретали более угодливую тональность, чем это было в действительности. Это не меняет того факта, что Сандлер и его коллеги проявляли готовность считаться с претензиями СССР, рассчитывая сохранить добрые контакты с Москвой и в ожидании, что сила вещей в будущем сблизит позиции обеих стран.

Время шло, и в 1933-1935 гг., когда политика коллективной безопасности набирала силу, оказалась утраченной возможность согласования интересов СССР и Швеции в восточной Балтии – наиболее естественной сфере сотрудничества обеих стран по обеспечению взаимной безопасности. Советский Союз лишил себя возможности опереться на разносторонние возможности самой сильной страны Скандо-Балтии, жизненно заинтересованной в стабильности региона и вместе с тем лишенной амбиций к доминированию в Прибалтике.

Советская политика на Балтике тем самым загоняла себя в тупик. Односторонние советские гарантии были не только непривлекательными для Латвии и Эстонии, но и были чреваты для СССР риском оказаться в одиночестве перед лицом Германии в случае столкновения с нею в балтийском регионе⁴³. Великобритания и Франция, обремененные

⁴⁰ См.: R.Erich – A.Hackzell, 19.6.1934. – Ulkoasiainministeriön arkisto (Helsinki) (далее – UMark). 5 с 2.

⁴¹ Дневник А.М. Коллонтай, 2. 01. 1935. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 112. Д. 110. Л. 3.

⁴² Телеграмма А.М. Коллонтай в НКВД СССР, 16.6.1935 // ДВП СССР. Т. 18. С. 399.

⁴³ Характерно, что в 1935 г. СССР отверг предложение Латвии вступить в переговоры о заключении договора о взаимной помощи (см.: О.Н. Кен, А.И. Рупасов. Москва и страны Балтии: опыт взаимоотношений, 1917-1939 // Страны Балтии и Россия: общества и государства / Отв. ред.-сост. Д.Е. Фурман, Э.Г. Задорожнюк. М., 2002. С. 242-243).

военно-политическими обязательствами в Европе и за ее пределами, не желали быть вовлеченными в войну из-за малых стран на периферии континента (от этой позиции они не отступили даже в августе 1939 г.). Финляндия и, во все возрастающей мере, Польша рассматривались Москвой как опасные конкуренты. В результате советской дипломатии оставалось взять курс на стимулирование объединительных тенденций малых государств Балтии. Договор о согласии и сотрудничестве между Латвией, Литвой и Эстонией, подписанный в Женеве 12 сентября 1934 г., формально был открыт для присоединения других стран, однако, требование единогласия вкупе с определенной позицией СССР на практике исключало расширение Балтийской Антанты. Наконец, в феврале 1935 г. советское руководство сняло свои возражения против заключения военного союза между Литвой, Латвией и Эстонией (этот проект так и не был реализован)⁴⁴.

Ресурсы советской политики коллективной безопасности в Балтийском регионе были тем самым исчерпаны. После успехов 1933-1934 гг. Советскому Союзу оставалось лишь реагировать на происходящие сдвиги, мало-помалу сдавая позиции усиливающейся Германии.

Современники (прежде всего шведские дипломаты) старались понять, чем обусловлены усилия России по элиминированию шведского фактора, и осмыслить мотивы советских деятелей, исходя из меняющейся внешнеполитической обстановки. В апреле 1935 г. правительства трех прибалтийских государств подтвердили отказ от участия в Восточном пакте о взаимопомощи, если в него не вступят Германия и Польша. На руинах проекта Восточного Локарно Франция и Чехословакия заключили с Советским Союзом двусторонние договоры о взаимной помощи. 18 июня Англия подписала сепаратное соглашение с Германией, признававшее за ней право на военно-морское строительство сверх ограничений, установленных Версальским договором. По следам этих событий шведский посланник в Москве Э. Юлленшерна докладывал в МИД: «Несмотря на замечательные успехи советского внешнеполитического руководства в последнее время... очевидно, что сильное чувство небезопасности и беспокойства в отношении будущего дает о себе знать в правящих кругах»⁴⁵. Кольцо вокруг Польши и Германии не может быть замкнуто, пока Латвия и Эстония не желают присоединиться к Восточному пакту, и Прибалтика «в данной ситуации является, как говорил Литвинов моим итальянским и французским коллегам, настоящим *crux* (средоточием затруднений. – *Авт.*) для советской политики безопасности [...] В Наркоминделе... наша позиция считается подозрительной или, по крайней мере, требующей острого внимания»⁴⁶. В целом, шведская дипломатия была склонна полагать, что перекося в советско-шведских отношениях и желание Москвы «нейтрализовать» Стокгольм вызывались ощущением собственной слабости.

Почти зеркальным отражением мнения о «сильном чувстве небезопасности и беспокойства» в Москве являлся советский тезис о «растущей тревоге» и «растерянности»

⁴⁴ Там же. С. 241.

⁴⁵ E. Gyllenstierna – R. Sandler, 20.6.1935. – Riksarkivet. Utrikesdepartement. 1920 års dossiersystem. NP 1. Vol. 512. (Далее – указание только серии (NP) и тома).

⁴⁶ E. Gyllenstierna – R. Sandler, 22.6.1935. – NP 20. Vol. 974.

шведов. «Не подлежит сомнению, - писал Стомоняков полпредам в Швеции, Норвегии и Дании 1 августа 1935 г., - что заключение англо-германского морского соглашения и перспектива быстрого возрождения морского могущества Германии затрагивает также самым непосредственным образом и Скандинавские страны, представляя собой новый фактор, влияющий на их внешнюю политику [...]. В результате, политика этих стран стала еще более неустойчивой». Стомоняков указывал: «Создавшаяся обстановка благоприятствует усилению активности со стороны наших полпредов в Скандинавских странах. Необходимо прежде всего активизировать работу по получению... информации. Далее, необходимо усилить воздействие на общественное мнение, в особенности усилить разъяснение нашей внешней политики, подчеркивая необходимость сплочения всех истинных сторонников сохранения мира». Ничто в директивном письме НКВД не указывало на задачи взаимодействия представителей СССР с правительствами, при которых они были аккредитованы, для противодействия общей угрозе, речь шла лишь о пропагандистском «разъяснении» советской политики ради «сплочения» на ее основе⁴⁷.

Неустойчивость или даже слабость советских позиций на западе, о которой писал Юлленшерна, подсказывали руководителям НКВД, что согласившись привлечь Швецию к стабилизации обстановки в Восточной Балтии, они не смогут контролировать развитие отношений Швеции со странами региона. Одновременно чувство превосходства над невеликими странами с «неустойчивой политикой», отразившееся в письме Стомонякова, диктовало отказ от опоры на общие интересы СССР и Швеции как условия реализации советских внешнеполитических задач. Сочетание неуверенности и заносчивости изнутри разъедали усилия Москвы по обеспечению безопасности на Балтике.

Экономические взаимоотношения (1933-1937 гг.)

Влияние Стокгольма на региональную политику (особенно в отношении Финляндии) и необходимость компенсировать конфронтационную линию СССР, побуждали Москву к расширению советско-шведских двусторонних отношений. Отказываясь от формулирования «политической общей задачи», Москва сделала крен в сторону новых экономических соглашений, тем более, что правительство, риксдаг и деловые круги Швеции проявили к этому свою расположенность.

Весной 1933 г. по инициативе МИД Швеции были возобновлены и вскоре успешно завершены переговоры об окончательном отказе от взаимных имущественных претензий⁴⁸. Одновременно шведы инициировали обсуждение путей стимулирования советских заказов в Швеции. Социал-демократическое правительство видело в наращивании экспорта в СССР один из инструментов борьбы с безработицей. Прежняя тема государственных гарантий «подтоварных» кредитов, предоставлявшихся СССР, постепенно трансформировалась в

⁴⁷ Письмо Б.С. Стомонякова А.М. Коллонтай, И.С. Якубовичу, Н.С. Тихменеву, 1.8.1935 // ДВП СССР. Т. 18. С. 464-465.

⁴⁸ См., в частности: Р. Лундстрем. Российское золото в Швеции // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 227-229.

идею финансового займа. Она была чрезвычайно соблазнительной для московского руководства: никогда прежде Советский Союз не добивался получения финансового займа. Узнав о предложении шведов, торгпред Д.В. Канделаки и Коллонтай «ходили весь день как пьяные от радости»⁴⁹.

Литвинов проявлял скептицизм, указывая, что шведы будут настаивать на обеспечении в виде «ценностей, находящихся в самом СССР». Вместо этого он выдвигал проект получения крупного кредита в Великобритании. Первоначально Сталин разделял позицию наркома, однако провал советской инициативы о кредите под «многомиллионный заказ» на Лондонской экономической конференции, не мог не сказаться на отношении Генерального секретаря к соглашению со Швецией. В результате в августе 1933 г. в Стокгольме «неожиданно нагрянул нарком внешней торговли, с женой, притом инкогнито». Нарком А.П. Розенгольц был принят премьер-министром, встретился с ведущими членами кабинета и руководителем объединения экспортеров Б. Прютцем, развивая перед ними идею об обоюдных выгодах финансового займа в условиях, когда СССР отказывается от форсированного ввоза оборудования⁵⁰. В ноябре, заручившись согласием Политбюро, Розенгольц поручил Канделаки вступить в переговоры о шведском финансовом кредите⁵¹. Они оказались трудными и растянулись на три месяца. Обязательство закупать исключительно шведские товары по существу лишало соглашение характера финансового займа.

С другой стороны, «расхолаживающие письма» НКВД заставляли Коллонтай сомневаться в заинтересованности Москвы в благополучном завершении переговоров, и она обратилась к Сталину с личным письмом, тезисы которого сохранили ее дневники: «Политико-стратегическое значение Швеции во время войны (подступы к нашей границе). Роль Швеции в момент войны (экспорт, реэкспорт, заказы, высокое качество шведской продукции). Надо заручиться ее дружбой заблаговременно [...] Сейчас момент для вкрапливания СССР в хозяйственные интересы Швеции, связать финансы Швеции с торговой политикой Союза. Это бы не только отразилось на ослаблении враждебных к нам сил в Швеции, но и укрепило влияние СССР на Скандинавию»⁵².

В конце февраля 1934 г. Коллонтай и Канделаки были вызваны для участия в заседании Политбюро. Несмотря на язвительные возражения Литвинова, «высшая инстанция» дала согласие на подписание договора. 8 марта 1934 г. он был парафирован и 16 марта подписан полпредом Коллонтай и министром иностранных дел Сандлером. Однако кампания против государственного внешнего займа, развернутая буржуазными партиями, вскоре заставила НКВД придти к выводу, что, внося это предложение в риксдаг, «шведское правительство явно не рассчитало сил»⁵³. Не рассчитали их и советские инстанции, торгпредство и полпредство, слишком полагававшиеся на корысть шведов и недооценившие

⁴⁹ А.М. Коллонтай. Дипломатические дневники. Т. 2. С. 154. 100 млн. шведских крон равнялись примерно 40 млн. золотых рублей.

⁵⁰ Там же. С. 182-183.

⁵¹ Телеграмма А.П. Розенгольца Д.В. Канделаки, 12.11.1933 // ДВП СССР. Т. 16. С. 868.

⁵² А.М. Коллонтай. Дипломатические дневники. Т. 2. С. 211-212.

значение внутривластической борьбы и роль риксдага⁵⁴. Коллонтай винула правительство Ханссона и происки Англии («нажим идет из Лондона, а диктат – из Сити»)⁵⁵.

Перед Москвой вставал вопрос о том, как выйти из неприятного положения. Выход был найден в отказе от ратификации договора самой советской стороной.⁵⁶ Как только в конце апреля стало окончательно ясным, что союзник СДРПШ - Крестьянский союз не поддержит кабинет в вопросе о займе, нота полномочного представителя СССР известила МИД Швеции об отказе ЦИК СССР утвердить соглашение «вследствие невыгодности некоторых условий»⁵⁷. Советская реакция на провал соглашения оказалась для шведской стороны несколько неожиданной – она не была столь горькой и острой, как ожидали. Вскоре из шведской миссии в Москве сообщили, что в Кремле к делу отнеслись совершенно спокойно⁵⁸.

Между тем, твердый курс СССР на сокращение импорта и поддержание активного внешнеторгового сальдо вел к постепенному сворачиванию двусторонней торговли.⁵⁹:

Год	Экспорт СССР в Швецию		Импорт СССР из Швеции	
	В млн. руб.	В процентах от общего экспорта СССР	В млн. руб.	В процентах от общего импорта СССР
1934	26,3 (24,5).	1,8	21,4	1,1
1935	23,2 (19,3)	1,1	14,0	0,8
1936	27,4 (21,1)	1,2	18	1,0

⁵³ Письмо Б.С. Стомонякова А.М. Коллонтай, 17.4.1934 // ДВП СССР. Т. 17. С. 264.

⁵⁴ Присланная из Москвы «компетентная комиссия» включила коров с фермы лидера Крестьянского союза П. Брамсторпа в ассортимент будущих закупок по займу. Комментарий Коллонтай по этому поводу свидетельствует, что она разделяла представления Канделаки о том, как делается политика в Швеции: «Это уже одно обеспечивает голоса бунде (Крестьянского союза. – Авт.) при голосовании договора о займе» (А.М. Коллонтай. Дипломатические дневники. Т. 2. С. 219). Двумя неделями позже, когда соглашение о займе было предано гласности, Брамсторп заявил, что партия его не поддержит.

⁵⁵ Там же. С. 224.

⁵⁶ В своих записках Коллонтай утверждала, что инициатива исходила от нее. В действительности, этот замысел возник в центральном аппарате НКВД, о чем Коллонтай узнала из письма Стомонякова (см.: А.М. Коллонтай. Дипломатические дневники. Т. 2. С. 228 (запись за 23 апреля); Письмо Б.С. Стомонякова А.М. Коллонтай, 17.4.1934. С. 264).

⁵⁷ Нота А.М. Коллонтай Р. Сандлеру, 25.4.1934 // ДВП СССР. Т. 17. С. 298.

⁵⁸ Wilhelm Carlgren. „Die Russenanleihe“. Ein nie zustandegekommener schwedisch-sowjetischer Kredit- und Bestellsungsvertrag des Jahres 1934 // Contact or Isolation? Soviet-Western Relations in the Interwar Period / Studia Baltica Stockholmiensia. 1991. Vol. 8.. S. 186.

⁵⁹ Справка НКВД «Оперативные данные об экспорте в Швецию», 23.12.1937. – РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 1813. Л. 1, 3. Расхождение в данных по советскому экспорту в документе не объяснено. Данные на 1937 г. – прогноз выполнения плана. Сведения о доле торговли СССР со Швецией см.: Докладная записка посла в Швеции К.К. Родионова зав. 3-м Европейским отделом МИД СССР С.А. Афанасьеву, 23.3.1955. – АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 46. П. 185. Д. 21. Л. 76.

1937	30,2 (13,8)	0,7	12,3	0,6
------	----------------	-----	------	-----

Анализируя импортные операции, стокгольмское торгпредство считало, что советские внешнеторговые объединения и НКВТ «не учитывают в достаточной мере возможности шведской промышленности, иначе трудно объяснить, почему целый ряд заказов на стальные трубы, качественную сталь до сих пор размещаются в таких странах, как Германия и другие, которые сознательно поставляют недоброкачественный материал и этим значительно затягивают наше строительство. Тот же материал, но лучшего качества, по той же цене, а иногда и дешевле может с успехом быть размещен в Швеции»⁶⁰. С другой стороны, увеличение в Европе спроса на стратегические материалы и оборудование затрудняло размещение заказов или затягивало сроки их выполнения. Свертывание экономических связей СССР со Швецией (как и с другими государствами Скандо-Балтийского региона) было связано с общей ограниченностью ресурсов – валютных, товарных, кадровых, транспортных и др. Едва ли не решающее значения для сокращения не только абсолютных объемов, но и относительной доли торговли со Швецией в общем внешнеторговом обороте имело отсутствие двусторонних соглашений о финансировании советских закупок, будь то договор о товарных кредитах или о финансовом займе. Сбылся мрачный прогноз А.М. Коллонтай о том, что провал соглашения о займе лишит Москву возможности привлечь к себе интерес деловых и политических кругов. «С выпадением этой акции из нашей политики в Швеции, – предупреждала Коллонтай, – мы теряем реальную точку опоры здесь и вся наша политика повисает в воздухе [...] Нет групп населения, на которые мы могли бы опереться...»⁶¹

Судя по всему, советское руководство и даже Наркоминдел не были обеспокоены этим обстоятельством, предпочитая рассматривать переговоры о займе с точки зрения текущих коммерческих интересов. В 1935 г., в связи с новой инициативой шведских финансово-промышленных кругов Стомоняков констатировал отсутствие у СССР «непосредственной хозяйственной заинтересованности в новых кредитных транзакциях»⁶². Особенно симптоматичным явилось предложение о займе, с которым в апреле 1936 г. выступил глава «Эншильда-банка» М. Валленберг, и незамедлительное отклонение этого предложения Москвой. Среди «крупнейших представителей шведских финансов», утверждала Коллонтай, «чувствуется пробуждающийся интерес к Советскому Союзу и возможности делать с ним «большие дела»: «Еще в 34 году эти самые Валленберги были настроены против нас крайне воинственно. Сейчас они всячески дают понять свое изменившееся отношение к нам. Молодой Маркус Валленберг серьезно поговаривает о поездке в Союз «для ознакомления». При большом политическом и хозяйственном весе этих

⁶⁰ Отчет о работе импортного отдела торгпредства СССР в Швеции за 1937 г., б/д. – РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 1814. Л. 11-12.

⁶¹ Доклад А.М. Коллонтай М.М. Литвинову, 1.10.1934. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 102. Д. 108. Л. 4..

⁶² Письмо Б.С. Стомонякова А.М. Коллонтай, 7.7.1935. – Там же. Оп. 15. П. 112. Д. 110. Л. 79

банковских кругов в Швеции их антигерманские настроения несомненно являются тяжелой гирей на все про- и контргерманской ориентировки в политике Швеции»⁶³.

Такого рода политико-экономические соображения, однако, мало занимали Москву. Стремление оптимизировать организацию внешней торговли подталкивало руководство СССР к простым решениям. В июле 1935 г. постановлением правительства и ЦК ВКП(б) было предписано сократить заграничный аппарат НКВТ, банков и Госстраха, благодаря чему в Швеции штат торгпредства был урезан вдвое, представительств внешнеторговых объединений – в десять раз, а банковских представительств – ликвидировался вовсе. К концу 1935 г. число сотрудников торгпредства снизилось до шести человек; Коллонтай имела все основания назвать это ликвидацией работы в Швеции по существу.

Одновременно присутствие шведских предпринимателей в СССР сократилось до минимума. Весной 1935 г. советское руководство взяло курс на ликвидацию «представительств иностранных фирм, пребывание коих в Союзе не вызывается хозяйственной необходимостью»⁶⁴. Единственным шведским предприятием на территории СССР в конце 30-х гг. оказалась смешанная концессия «на осуществление совместно с Аэрофлотом... воздушного сообщения для перевозки пассажиров, багажа, грузов и почты между Москвой и Стокгольмом», предоставленная акционерному обществу «Акциебулагет Аэротранспорт» в 1937 г.⁶⁵

В сентябре 1936 г. Политбюро приняло рекомендации Наркомата внешней торговли о «продаже мировым нефтяным трестам розничного аппарата в Англии, Швеции, Финляндии»⁶⁶. Тем самым была предрешена судьба действовавшего с конца 20-х гг. смешанного советско-шведского общества «Нафта», которому удалось создать себе имя, организовать разветвленную сбытовую сеть. Конкуренция «Нафты» с мировыми трестами «понижала цены на бензин, и шведский потребитель «сочувствовал» советской нефти»⁶⁷. В середине 30-х гг. общество переживало немалые трудности, однако решающим фактором явилась, по всей вероятности, общая установка на «сосредоточение внешнеторговой деятельности в Союзе»⁶⁸. В мае 1937 г. СССР заключил договоры с фирмой «Belgian Golf» о продаже ей акционерных обществ в Швеции и Финляндии и о поставках советских нефтепродуктов на период до весны 1942 г.⁶⁹

⁶³ Доклад А.М. Коллонтай Н.Н. Крестинскому (получен 13.8.1936). – АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 20. П. 119. Д. 366. Л. 60-59.

⁶⁴ Протокол № 23 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 3.4.1935 (Особый №), п. 237 (опросом от 31.03.1935). – РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 163.

⁶⁵ Постановление СНК СССР № 1039, 1.7.1937. – РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 1813. Л. 5.

⁶⁶ Протокол № 43 заседания Политбюро ЦК ВКП(б), п. 96 (опросом от 10.9.1936), п. 272 (опросом от 27.09.1936). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 73, 84. См. также переписку Кагановича и Молотова со Сталиным (5-7.9.1936) // Сталин и Каганович. Переписка: 1931-1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2001. С. 662, 665, 667.

⁶⁷ Доклад А.М. Коллонтай В.П. Потемкину, 7.6.1937 // ДВП СССР. Т. 20. С. 297.

⁶⁸ Эта «работа» находилась под пристальным контролем Политбюро (см.: Протокол № 40 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 27.6.1936, п. 7 (опросом от 21.5.1936). – РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 978. Л. 4).

⁶⁹ См.: Письмо Семененко (председатель В/О «Союзнефтеэкспорт») Коктюмову (Отдел торговых договоров НКВТ), 16.6.1939. – РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 2523. Л. 7-7 об.

Единственным существенным исключением из общей тенденции к сокращению советско-шведских экономических связей явилось заключение международного соглашения о разделе рынка лесоматериалов. В ходе начатых в 1931 г. трехсторонних консультаций и переговоров Москва добивалась закрепления за собой около 40 % общего объема поставок Советского Союза, Швеции и Финляндии. Договоренности удалось достичь лишь в 1935 г., когда конъюнктура европейского лесного рынка ухудшилась, а советскому руководству пришлось согласиться на меньшую квоту⁷⁰. Подписанное 15 ноября соглашение между лесозэкспортерами устанавливало следующее распределение экспортных квот на 1936 г.: Венское лесное бюро (объединявшее экспортеров юго-восточной Европы) – 1075 тыс. стандартов, Финляндия – 1005 тыс., СССР – 950 тыс., Швеция – 820 тыс.⁷¹. Оно вполне удовлетворяло советские интересы: в последующие три года «Экспортлес» ни разу полностью не исчерпал закрепленную за СССР квоту. «Соглашение, несомненно, окажет благоприятное политическое влияние на Швецию и Финляндию», – телеграфировала Коллонтай Сталину, Молотову и Литвинову⁷². Этот прогноз, судя по докладу полпреда в августе 1936 г., в основном подтвердился: «...После заключения с нами в 1935 году соглашения по лесу, когда цены на лес значительно поднялись и продолжают подниматься, среди лесозэкспортеров замечается несомненный рост интереса к Советскому Союзу. После недавней поездки туда воротил по лесу Кемпе и др. они вернулись с лучшими впечатлениями и стали явными сторонниками сближения с Союзом – можно с достоверностью учесть, что большая часть представителей индустрии не только не являются сторонниками германской ориентации, но и будут влиять на политику кабинета в смысле удержания страны на позициях «нейтральности»⁷³.

В целом, тем не менее, деградация экономического сотрудничества между СССР и Швецией во второй половине 30-х гг. привела к ослаблению связей с финансово-экономическими группами и общественными силами Швеции. Индикатором этого процесса являлось посещение приемов в советской миссии. С 1935-1936 гг. представители финансовых и торговых организаций стали терять к ним интерес, в результате на праздновании 20-й годовщины Октябрьской революции «преобладала радикальная интеллигенция и очень бедно были представлены промышленные и банковские круги». «Это показывает еще раз... что наши связи с фирмами порываются – и это симптом во всех смыслах неблагоприятный»⁷⁴.

Динамика советско-шведских хозяйственных связей в 30-е гг. отражала, таким образом, перемены в общеэкономической и внешнеторговой политике СССР и отношение к Швеции как к «локальному рынку». Объективная политическая заинтересованность СССР в

⁷⁰ Протокол № 23 (Особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б), 3.4.1935 (опросом от 7.3.1935), п. 5. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 142.

⁷¹ Соглашение не включало часть номенклатуры лесного экспорта, в том числе балансы. В 1936-1938 гг. соглашение ежегодно продлевалось.

⁷² Телеграмма А.М. Коллонтай в НКВД СССР, 16.11.1935 // ДВП СССР. Т. 18. С. 557.

⁷³ Доклад А.М. Коллонтай Н.Н. Крестинскому, 13.8.1936. – АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 20. П. 119. Д. 366. Л. 60.

⁷⁴ Доклад А.М. Коллонтай В.П. Потемкину, 10.11.1937. – Там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 116. Л. 95.

устойчивых отношениях со шведским деловым миром, особенно в перспективе европейской войны (о чем не уставала напоминать Коллонтай) не нашла выражения в деятельности советских внешнеторговых органов или инициативах НКВД, по крайней мере, с весны 1934 г. Ситуация стала меняться лишь осенью 1939 г., когда Швеция внезапно оказалась одним из немногих серьезных контрагентов СССР⁷⁵.

СССР и шведский нейтралитет (1934-1938 гг.)

Неприятие Москвой сотрудничества со Швецией в восточной Балтии и деградация двусторонних экономических связей имели своим следствием перенос центра тяжести советско-шведских отношений с этих областей (наиболее естественных с точки зрения интересов обеих стран) в сферу принципиальных дискуссий о коллективной безопасности и нейтралитете.

При вступлении СССР в Лигу Наций в 1934 г. именно Р. Сандлеру – переводчику «Капитала», министру иностранных дел Швеции и председателю XV Ассамблеи Лиги – довелось торжественно огласить результаты голосования и призвать советскую делегацию занять свое место среди членов международного сообщества, целью которого являлось коллективное обеспечение мира. Символичность этой сцены была по меньшей мере двусмысленной: в своем отношении к принципам коллективной безопасности Советская Россия и Швеция в 20-30-е гг. двигались встречными курсами, поначалу сближавшими, а затем отдалявшими их друг от друга.

После окончания мировой войны, благодаря изменению позиции Социал-демократической рабочей партии, вожди которой видели в Лиге Наций прообраз Интернационала демократических государств, Швеция приняла решение отказаться, как говорил Я. Брантинг, «от нашего освященного временем нейтралитета, который состоял в том, что мы не вмешивались в дела остального мира и оставались вне международных конфликтов»⁷⁶. После вступления в Лигу, основные усилия шведской дипломатии в Женеве были сосредоточены на совершенствовании механизмов мирного урегулирования споров.

Советский Союз, напротив, рассматривал Лигу Наций как инструмент обеспечения «контроля над мировой политикой» со стороны западных держав и «не чувствовал ни малейшего желания вступать в организацию, в которой ему предстояло играть роль молота или наковальни». Концепции коллективной безопасности, оценивавшейся как пацифистская маскировка империалистической политики, Москва противопоставляла утопию всеобщего и полного разоружения.⁷⁷

Кризис Лиги, достигший своей кульминации с выходом из ее состава Японии и Германии в 1933 г., был воспринят советским руководством как позитивный симптом: «Лига

⁷⁵ См.: Письмо Мишустина (зам. начальника Отдела торговых договоров НКВД), Доброхотова (референт по Швеции) в торгпредство, 2.10.1939. – РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 2523. Л. 11).

⁷⁶ Цит. по: Создавая социальную демократию: Сто лет социал-демократической рабочей партии Швеции / Под ред. К. Мисгельда, К. Мулина и К. Омарка. М.: Весь мир, 2001. С. 425.

⁷⁷ См.: Р.М. Илюхина. Лига Наций. 1919-1934. М., 1982. С. 136-138, 209.

Наций в известной мере стала на пути свободы действий «интервентов»⁷⁸ и в ней «побеждает как будто то течение, которое заинтересовано в сохранении мира»⁷⁹. Присоединение СССР к Лиге мотивировалось и обуславливалось «состоянием вынужденной самозащиты»⁸⁰, потребностями «заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии»⁸¹. Литвинов не скрывал, что для Советского Союза суть дела состояла в «использовании тех или иных существующих или могущих образоваться международных объединений или организаций». Руководитель советской дипломатии делал оговорку, что «речь не должна идти о новых группировках, о создании военных союзов по старым образцам, а о сотрудничестве для законной самозащиты всех тех, кто не заинтересован в нарушении мира»⁸². В действительности советское руководство вполне осознавало концептуальное напряжение между универсальным принципом коллективной безопасности и идеей региональных пактов взаимной помощи, между механизмами Лиги Наций и организацией антиревизионистской коалиции. Литвинов без обиняков разъяснял Политбюро, что довоенные блоки «по природе своей немногим отличались от ныне обсуждаемых т.н. пактов взаимной помощи», и «некоторые многосторонние соглашения того времени, как например, тройственное соглашение Германии, Австро-Венгрии и Италии, могли бы с успехом по нынешней терминологии быть названы региональным пактом взаимопомощи». Между тем, «создание Лиги Наций должно было, собственно говоря, положить конец практике военных союзов, как наступательных, так и оборонительных. По такому смыслу статьи 16 Устава Л.Н., всяческие союзы между членами Лиги, даже оборонительного характера должны считаться незаконными»⁸³.

В общем, Москва в середине 30-х гг. по-прежнему рассматривала Лигу Наций и коллективную безопасность в увязке с «реальной политикой» военно-политических блоков. Перемена, происшедшая в советских установках в 1933-1934 гг. состояла по существу в более широком понимании государственных интересов СССР, побуждавшем сочетать лигонационную коллективную безопасность с созданием антигерманской коалиции⁸⁴. Заключение Советским Союзом двусторонних договоров о взаимной помощи с Францией и ЧСР под эгидой Лиги Наций воплощало этот политико-идейный симбиоз и подстегивало

⁷⁸ Из доклада Председателя СНК СССР В.М. Молотова на IV сессии ЦИК СССР 6-го созыва 28.12.1933 // ДВП СССР. Т. 16. С. 780.

⁷⁹ Выступление наркома иностранных дел М.М. Литвинова на IV сессии ЦИК СССР 6-го созыва 29.12.1933 // Там же. С. 785.

⁸⁰ Там же. С. 797.

⁸¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О Франции» от 19.12.1933 // Политбюро ЦК ВКП(б) и Европа: Решения «особой папки». 1923-1939 / Под ред. Г. Адиебекова и др. М.: РОССПЭН, 2001. С. 305.

⁸² Выступление наркома иностранных дел М.М. Литвинова на IV сессии ЦИК СССР. С. 786, 797.

⁸³ Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину «К приезду Идена» (копии В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, Л.М. Кагановичу, Г.К. Орджоникидзе), 22.3.1935. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 117-118.

⁸⁴ На своеобразии советской трактовки «коллективной безопасности» обращали внимание первые исследователи довоенной политики СССР (М. Beloff. *The Foreign Policy of Soviet Russia. 1929-1941. Vol. I. 1929-1936.* Oxford, 1947. P. 161; Henry L. Roberts. *Maxim Litvinov* // Gordon A. Craig, Felix Gillbert (eds.). *The Diplomats. 1919-1939.* Princeton (NJ), 1953. P. 364).

возвращение Европы к блоковой дипломатии⁸⁵ На практике именно на нее делали ставку далекие от сантиментов кремлевские вожди⁸⁶.

Для Швеции дело обстояло иначе. Верность обязательствам перед Лигой Наций становилось невозможным сочетать с традиционным отказом от участия в группировках европейских держав. Шведской дипломатии приходилось решать, следует ли приспособливаться к новому представлению о коллективной безопасности и блоковой политике, становясь тем самым инструментом более сильных государств, или встать на путь возвращения к нейтралитету. Это был непростой выбор, продиктованный Швеции «банкротством идеи солидарности и организации». Усилия по формированию «правовых взаимоотношений между народами» переносились в область обеспечения совместной безопасности северных стран и нейтралитета Севера. «Придется смириться, – говорил в 1935 г. Э. Унден, – с тем фактом, что апостолов нейтралитета никогда не провозгласят спасителями человечества»⁸⁷.

В середине и второй половине 30-х гг. шведский нейтралитет представал как сложный концепт, неоднозначно соотносящийся с региональной политикой и принципами коллективной безопасности, от следования которым Швеция официально не отказывалась. Речь шла о нейтралитете, ограниченном, с одной стороны, интересами военно-политического сотрудничества с соседними странами для обеспечения национальной безопасности, и, с другой стороны, обязательствами, которые приняла на себя Швеция как член Лиги Наций. Поскольку эти три фундаментальных принципа внешней политики Швеции с середины 30-х гг. в значительной степени вступали в конфликт друг с другом, для характеристики шведской политики нейтралитета уместно использовать предложенное историком Г. Мёллером выражение “Kluven neutralitet” – «расщепленный нейтралитет»⁸⁸. Формулирование политики шведского нейтралитета происходило постепенно и небезболезненно, его параметры были нечеткими и вызывали споры в руководстве самой правящей партии. Когда в 1934 г. глава МИД Норвегии Ю.Л.Мувинкель поднял вопрос о нейтралитете как возможной стратегии стран Северной Европы, его шведский коллега оказался не готов обсуждать эту тему⁸⁹.

Как это ни парадоксально, гораздо лучше к восприятию этой проблематики были подготовлены в Москве. На протяжении 20-х – начала 30-х гг. СССР являлся активным

⁸⁵ Характерна пикировка между полпредом Н.С. Тихменевым и министром иностранных дел Дании П. Мунком. Когда Мунк назвал договор о взаимной помощи между СССР и Францией «союзом», полпред «поправил, указав на то, что этот договор не «союз», а «орудие укрепления мира и коллективной безопасности» (Запись беседы Н.С. Тихменева с П. Мунком, 26.2.1936 // ДВП СССР. Т. 19. С. 103).

⁸⁶ Через год после вступления СССР в Лигу Наций Сталин рассуждал о том, что правильнее было бы пригрозить уходом СССР, «если лигонацовские жулики-режиссеры не будут относиться к СССР с должным уважением и почтением», ибо «если мы не будем время от времени встряхивать лигонацовский навоз, мы не сумеем использовать Лигу в интересах СССР» (Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову, Сочи, 12.9.1935 // Сталин и Каганович. Переписка. С. 564).

⁸⁷ Цит. по: Создавая социальную демократию. С. 428.

⁸⁸ Gustav Möller. Rickard Sandler: Folkbildare, utrikesminister. Stockholm, 1990. S. 335-351.

⁸⁹ Jan A. Andersson. Nordisk samarbete. Aktörer, idéer och organisering: 1919-1953. Lund, 1994. Vol. 85. S. 76.

сторонником международно-договорной системы, в которой главенствующее место занимали обязательства нейтралитета и неучастия во враждебных комбинациях. Восстанавливая, в противовес новым концепциям коллективной безопасности, исторические нормы нейтралитета как способ, позволяющий заранее предусмотреть поведение того или иного государства в случае конфликта и предупредить возможность оказания помощи государству-агрессору, СССР упорно добивался включения во все заключаемые им двусторонние политические соглашения положений о нейтралитете. В договорах с Турцией (1925 г.) и Афганистаном (1926 г.) закреплялся принцип безусловного нейтралитета в случае военных действий вне зависимости от того, кто являлся их инициатором, в договорах с Германией и Литвой (1926 г.) акцент делался на мирном поведении в отношении стороны, подвергшейся нападению третьего государства⁹⁰. В переговорах с Францией, Польшей и балтийскими странами о пактах ненападения, советская сторона, стремилась к максимально широкому описанию обязательств неоказания помощи нападающему государству и неучастия во враждебных комбинациях в мирное время. Полпреду Майскому удалось выторговать согласие Хельсинки на включение в советско-финский пакт самого понятия «нейтралитет»⁹¹. В результате оно фигурировало в трех международных актах, подписанных СССР – в мирных договорах с Эстонией и Латвией (1920 г.) и пакте о ненападении между СССР и Финляндией (1932 г.). Таким образом, в то время как Швеция, вступив в Лигу Наций, отказалась от своего «освященного временем нейтралитета», Советский Союз, напротив, развернул борьбу за расширение применения принципа нейтралитета и за закрепление его в двусторонних международных актах (что в начале XX в. стало в Европе анахронизмом), причем ни в одном другом сопредельном регионе СССР не удалось достичь столь значительных успехов, как на Балтике.

Нетрудно было предвидеть, что в случае полного разочарования Москвы в «лигонацонских жуликах-режиссерах» и возвращения к самоизоляции, принцип нейтралитета должен был снова занять почетное место в арсенале советской политики. В этом смысле положение Швеции и Советского Союза оказывалось потенциально сходным.

Своеобразие «горизонта планирования» советской дипломатии, однако, состояло в пренебрежении среднесрочными перспективами: над ней довлела «злоба дня», ее усилия целиком сосредоточивались на ближайших задачах и одновременно вдохновлялись расплывчатыми эсхатологическими представлениями о Втором пришествии войны и революции (которые, разумеется, противоречили философии «борьбы за мир и коллективную безопасность»). Задачей дня стала для СССР борьба за союзников по коллективной безопасности, и Москва осуждала дрейф Швеции в направлении нейтралитета, тем более, что он был практически неотделим от «северного курса» шведской политики (а он, в свою очередь, подразумевал укрепление связей Швеции с Финляндией).

⁹⁰ Подробнее см.: Malcolm W. Graham. The Soviet Security Treaties // American Journal of International Law. 1929. Vol. 23. Issue 2. P. 341-343.

⁹¹ А.И. Рупасов. Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х – начало 1930-х гг. СПб., 2001. С. 169, 173.

События 1935-1936 гг. предоставили тому немало поводов. Первым из них стало восстановление в Германии всеобщей воинской повинности в марте 1935 г. В середине апреля 1935 г. на рассмотрение Совета Лиги была предложена резолюция, подготовленная на англо-франко-итальянском совещании в Стресе и осуждавшая действия Германии. В преддверии чрезвычайного заседания Совета состоялась встреча министров иностранных дел Дании, Норвегии и Швеции. Датский представитель заявил о намерении его страны воздержаться от официального осуждения Германии, Сандлер предпочел не спорить⁹².

Советское руководство колебалось. Вдгонку выехавшему в Женеву Литвинову была направлена директива Политбюро: «Ни за одобрение доклада, ни за резолюцию по названному вопросу нашим делегатам не, повторяю, не голосовать, а воздержаться, подробно изложив мотивы своего воздержания... и отметив вместе с тем, что мы не являемся участниками Версальского договора и не можем нести за него ответственности⁹³. В ответ Литвинов возразил, что переговоры с французами о пакте взаимопомощи делают выполнение этой директивы чрезвычайно затруднительным. «По поручению инстанции» Н.Н. Крестинский телеграфировал: «Вопрос о голосовании резолюции предоставляем на Ваше рассмотрение. Во всем остальном директива остается в силе»⁹⁴.

В итоге советский делегат подал голос в пользу резолюции, тогда как министр иностранных дел Дании, входившей тогда в Совет Лиги, при голосовании воздержался. Швеция официально не высказала, но по существу разделила мнение датчан, что «вводная формулировка резолюции неудачная, чрезвычайно заостренная». Как откровенно объяснил полпреду Э.Унден, «у скандинавов главная забота не быть втянутыми ни в какие группировки держав».⁹⁵

Коллонтай заявила, что ее «удивляет» позиция «скандинавов, которые раньше всегда твердо стояли за соблюдение договоров, связанных с Лигой Наций». Тот факт, что Швеция не отмежевалась от поведения Дания, «произведет тяжелое впечатление на общественность Союза, будет истолкован как солидаризация с Германией»⁹⁶. Литвинов счел нужным умерить принципиальность полпреда, сообщив, что «у нас даже были некоторые колебания, нужно ли нам вообще активно выступать в Женеве по этому вопросу». Он предложил при случае указать МИД Швеции на неофициальный характер предпринятого ею демарша⁹⁷.

Конференция министров Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии в августе 1935 г. (на которой, впрочем, не рассматривались принципиальные вопросы) вновь пробудила в НКВД

⁹² Учитывая негативную реакцию западных держав, позже Сандлер дистанцировался от позиции Дании (Kari Selén. Genevestä Tukholmaan. Suomen turvallisuuspolitiikan painopisteen siirtyminen kansainliitosta pohjoismaiseen yhteistyöhön 1931-1936. Helsinki, 1974. S. 148-149).

⁹³ Телеграмма Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову, 14.4.1935 // ДВП СССР. Т. 18. С. 284-285.

⁹⁴ Телеграмма Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову, 15.4.1935 // Там же. С. 286.

⁹⁵ Доклад А.М. Коллонтай Н.Н. Крестинскому (получен 3.5.1935). – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 112. Д. 110. Л. 43.

⁹⁶ Телеграмма А.М. Коллонтай в НКВД СССР, 18.4.1935 // ДВП СССР. Т. 18. С. 293-294.

⁹⁷ Письмо М.М. Литвинова А.М. Коллонтай, 8.5.1935. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 112. Д. 110. Л. 45-46. В ответ полпред заверила, что разговор с Унденом «велся в тоне личной беседы и личных соображений, так как я ведь не имела директивы Москвы» (Доклад А.М. Коллонтай М.М. Литвинову (получен 22.5.1935). – Там же. Л. 47).

беспокойство относительно «возврата к старой скандинавской позиции чистого нейтралитета». Полпредам в четырех странах Северной Европы было сделано напоминание: «нашим интересам соответствует... позиция активной поддержки (этими странами. – *Авт.*) Лиги Наций»⁹⁸.

Испытание, которому подверг Лигу Наций итало-эфиопский конфликт 1935-1936 гг., еще больше подорвало доверие к эффективности коллективных санкций. Агрессия Италии поначалу вызвала отпор большинства членов Лиги. В Швеции, рассказывал посланник Юлленшерна заместителю наркома Стомонякову, «все за санкции». и «шведская общественность убедилась в искренности мирной политики СССР и в том, что СССР является искренним защитником мира»⁹⁹. По существу Юлленшерна призывал Москву занять последовательную позицию и обеспечить единогласное решение Совета Лиги о введении санкций против Италии. Эта проблема вызвала серьезные споры в советском руководстве. Разрешение Литвинову поддержать введение санкций сопровождалось предостережением: «Не проявляйте большей ретивости, чем другие страны»¹⁰⁰. Вместе с тем, предчувствуя провал экономических мер против страны-агрессора, Литвинов сочувственно относился к планам закулисного урегулирования, воплощенным в плане Хора-Лавалья. Весной 1936 г. поражение Лиги Наций стало очевидным, Коллонтай отмечала упадок доверия шведов к Лиге как защитнице интересов малых наций.

1 июля 1936 г., за несколько дней до отмены санкций против Италии, «государства-экс-нейтралы», включая Швецию, обнародовали декларацию, в которой выражалось сомнение в том, что предпосылки, при которых они взяли на себя обязанности вытекающие из Устава Лиги, «все еще продолжают существовать в удовлетворительной степени». Декларация указывала на недопустимость, того, что в то время как одни статьи Ковенанта продолжают применяться, другие «остаются мертвой буквой», и предупреждала, что это обстоятельство будет приниматься во внимание подписавшими ее странами¹⁰¹.

Официальной реакции со стороны СССР не последовало, однако вопросы, сформулированные полпредом в августовском докладе Крестинскому, показывали растущее недоверие Москвы к шведской политике: «Если налицо нет формального сговора между северными странами, то во всяком случае имеются признаки растущего их сближения и, в связи с этим, невольно напрашиваются вопросы: как далеко заходит это сближение и не намечается ли перерождение его в блок военной взаимопомощи или координации действий, без соответствующей формальной договоренности? Второй вопрос, тесно с ним сплетающийся: можно ли при современных политических настроениях, господствующих в Швеции и двух других скандинавских странах, считать эти страны уже окончательно

⁹⁸ Телеграмма Б.С. Стомонякова А.М. Коллонтай, Н.С. Тихменеву, Э.А. Асмусу, И.С. Якубовичу, 1.9.1935 // ДВП СССР. Т. 18. С. 479-480.

⁹⁹ Запись беседы Б.С. Стомонякова с Э. Юлленшерна, 1.10.1935 // Там же. С. 523.

¹⁰⁰ См. Телеграмма В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, А.А. Андреева И.В. Сталину, 4.10.1935; Письмо Л.М. Кагановича И.В. Сталину, 9.10.1935 // Сталин и Каганович. Переписка. С. 602, 604.

¹⁰¹ Цит. по: Hans J. Morgenthau. International Affairs: The Resurrection of Neutrality in Europe // American Political Science Review. 1939. Vol. 33. Issue 3. P. 473.

вовлеченными в германскую ориентацию? И третий вопрос: какова будет позиция Швеции, если бы Финляндия оказалась активно вовлеченной в войну?»

Полпред старалась предостеречь НКВД против «предвзятости в решении этих вопросов», что «может только повредить интересам Союза»: «Нельзя намечающиеся тенденции в стране признавать за уже утвержденные и установившиеся реальные факты. ... Я считаю, что будет ошибкой, если мы будем исходить из предпосылки, что Швеция уже находится в группе прогерманских стран и этим ставить Швецию под одну скобку с Финляндией или Венгрией. Внешнеполитическая ориентация Швеции еще далеко не определилась, в ней идет глубокий процесс борьбы политических сил в отношении международной группировки»¹⁰².

Весной 1937 г. эти соображения вызвали понимание в Москве. В своем первом письме полпредам СССР в скандинавских странах В.П. Потемкин, сменивший Крестинского на посту первого заместителя наркома, спокойно и почти сочувственно констатировал углубляющееся сотрудничество этих государств по выработке условий нейтралитета и взаимной поддержке на случай войны. Он давал понять, что сближение скандинавских стран с Финляндией заслуживает одобрения, поскольку ему «способствовало в основном улучшение отношений между СССР и Финляндией, наметившееся после поездки Холсти в Москву» в феврале 1937 г. Заместитель наркома предпочел интерпретировать развитие этого процесса как успех коллективной безопасности и даже, как будто, не возражал против поддержки Лондоном объединительных тенденций¹⁰³. Новая линия была основана на тезисе о борьбе «двух тенденций» в ее внешней политике. «Одна направлена к дальнейшему углублению сотрудничества северных стран, к оформлению и углублению скандинавско-финского блока. Эта тенденция... объективно направлена против угрозы германской агрессии [...] Весьма характерна в этом отношении речь Сандлера о скандинавском нейтралитете.... Подчеркивая стремление Швеции сохранить нейтралитет в спорах великих держав, Сандлер в то же время указал, что Швеция не может оставаться равнодушной к проблеме безопасности своих ближайших соседей, и делает следующий знаменательный вывод: «Понятия нейтралитета и оборонительного союза стоят так близко друг к другу, что вопросы последнего становятся немедленно актуальными, как только ставится вопрос о нейтралитете».

«Другая тенденция... - объяснял Потемкин, - стремится идее нейтралитета... дать такое истолкование, которой должно привести к ослаблению сотрудничества Скандинавских государств с Лигой Наций, в частности освободить Скандинавские государства от обязательства принимать участие в лигонационных санкциях. Эта тенденция, направленная против принципа безопасности, противопоставляется идее оборонительного союза и встречает активную поддержку в Германии [...] Восхваление Сандлером бельгийской

¹⁰² Доклад А.М. Коллонтай Н.Н. Крестинскому (получен 13.8.1936). – АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 20. П. 119. Д. 366. Л. 63-62, 52.

¹⁰³ Письмо В.П. Потемкина полпредам в Латвии, Норвегии, Дании, временному поверенному в делах СССР в Швеции, 3.5.1937 // Советско-норвежские отношения. 1917-1955. Сборник документов. М., 1997. С. 264-265.

политики нейтралитета отражает, несомненно, ту же тенденцию». Таким образом, НКВД конструировал разграничение между «хорошим» и «плохим» нейтралитетом. Внутренняя логика шведской политики оставалась при этом непонятой. Реальные взаимоотношения северных стран и планы Стокгольма были далеки от создания подлинного оборонительного союза и в значительной мере связаны с желанием удержать Финляндию, считавшую себя обреченной на конфликт с СССР, от немецких объятий. Сотрудничество в деле взаимного укрепления нейтралитета северных стран исключало участие в коллективных санкциях против одной из великих держав. Не собирались шведы и содействовать изоляции Польши. Напротив, ее усилия по развитию сотрудничества «неприсоединившихся» стран и созданию внеблоковой «третьей Европы» вызывали симпатии Стокгольма. Иллюзорность возлагаемых на шведскую политику надежд помогла Потемкину (который воспринимался как возможный преемник Литвинова) сделать вывод, что в Скандинавии складывается обстановка «благоприятная для усиления нашей активности и расширения нашего влияния в этих странах. Определенную роль в этом отношении должен сыграть визит Сандлера в Москву»¹⁰⁴.

Первый в истории двусторонних отношений визит министра иностранных дел Швеции в СССР в июле 1937 г. стал наиболее ярким выражением недолгого советско-шведского сближения – и одновременно его концом. Решение Р. Сандлера перед приездом в советскую столицу посетить Таллин и Ригу пробудило в НКВД прежние опасения относительно вовлечения Швеции в дела восточной Балтии. Когда же Литвинову стало известно о намерении шведского министра нанести в августе визит в Варшаву, то он оценил перспективы переговоров в Москве с предельной ясностью: «Нас его визит стал мало интересовать. Я был бы счастлив, если бы какой-нибудь случай сорвал поездку Сандлера»¹⁰⁵.

Советский документ о переговорах глав внешнеполитических ведомств открывался констатацией наркома, что «беседы с Сандлером на общеполитические темы не представляют большого интереса за исключением затронутого мною вопроса о так называемом нейтралитете». Литвинов изложил «нашу общую концепцию о нынешнем международном положении, усумнился (sic) в ясности позиции скандинавских стран и, в частности, просил Сандлера разъяснить мне, чем вызывается приписываемая ему пропаганда нейтралитета». Эти замечания по существу дезавуировали «диалектический» анализ Потемкиным «двух тенденций» в политике Северных стран в пользу прямой критики «нейтралистских тенденций». Неудивительно поэтому, что в московских беседах проблемы регионального политического сотрудничества между СССР и Швецией фактически не рассматривались. Советская запись создает впечатление, что единственной заботой наркома было предостеречь Сандлера от «пропаганды» «так называемого нейтралитета» в странах Прибалтики и, разумеется, в Женеве¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Письмо В.П. Потемкина полпредам в Швеции, Норвегии и Дании, 1.6.1937 // Там же. Т. 20. С. 281-282.

¹⁰⁵ Письмо М.М. Литвинова А.М. Коллонтай, 1.7.1937. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 115. Л. 11.

¹⁰⁶ Запись бесед М.М. Литвинова с Р. Сандлером, 9.7.1937 // ДВП СССР. Т. 20. С. 369-370.

По сообщению Сандлера, он подробно объяснял Литвинову необходимость для Скандинавских стран сделать выводы из фактического невыполнения многими странами положений Устава Лиги и внести в него соответствующие изменения. В противном случае Швеции пришлось бы выполнять решения Совета о пропуске через ее территорию чужих армий, в то время как она, не будучи представлена в этом органе, не могла влиять на принятие решений. По своему опыту «исключенности» из процесса принятия решений, прямо затрагивавших интересы Советской России, Москва не могла быть нечувствительной к поднятой Сандлером проблеме. Существование развитой Сандлером аргументации, как и ссылки на необходимость привлечения США к активному участию в международных делах, продолжали линию, намечавшуюся самим Литвиновым тремя годами ранее в проекте Постоянной конференции мира¹⁰⁷. Можно поэтому с доверием отнестись к сообщению Сандлера, что ответ наркома был очень неопределенным¹⁰⁸. Со своей стороны, Литвинов зафиксировал заверение Сандлера, что Швеция «вряд ли» станет проявлять инициативы в деле реформы Лиги и вручил ему проект «обязательства нейтралов» «не пропускать через территорию своей страны войск агрессоров»¹⁰⁹.

Через несколько дней советская печать возобновила критику нейтралитета. Посланник Юлленшерна расценил поведение официозных органов как явное неуважение к шведской политике. В ответ Потемкин заявил, что желание «малых стран остаться в стороне от эвентуальных конфликтов между великими державами... в действительности вряд ли осуществимо. Каждой стране придется решать, идет ли она за агрессором, активно или пассивно способствуя осуществлению его замыслов, или же предупреждает агрессию и противодействует ей вместе с прочими странами, желающими поддержать мир и обеспечить общую безопасность. Вне этой альтернативы никакого третьего решения не существует»¹¹⁰.

Маятник советской политики качнулся в обратную сторону. Визит главы МИД в Варшаву, демонстрировавший политическое взаимопонимание между Швецией и Польшей создавал опасную в глазах Москвы политическую конфигурацию. Учитывая демонический образ Польши в советском мышлении, неудивительно, что поиск Швецией «третьего пути» вызывал аналогию с ненавистным советскому руководству проектом «Междуморья». С другой стороны, «старание английской дипломатии пропагандировать идею нейтралитета среди государств, расположенных в ближайшем соседстве с нашими северо-западными, западными и юго-западными границами» отождествлялось с созданием «изолирующего СССР санитарного пояса». «В этом плане» Швеция оказывалась «проводником лондонских установок, менее всего соответствующих нашим концепциям неделимости мира,

¹⁰⁷ См.: Письмо М.М. Литвинова А.Ф. Нейману, 1.12.1934. – АВП РФ. Ф. 0415. Оп. 4. П. 9. Оп. 11. Л. 3-5; Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину (копии В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, Г.К. Орджоникидзе), 7.2.1935. – Там же. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 40-41; Протокол № 17 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.12.1934. (Особый №), п. 1. (опросом от 14.11.1934). – РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 84; Протокол № 21 (Особый №) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 22.2.1935, п. 48 (опросом от 11.2.1935). – Там же. Л. 130).

¹⁰⁸ J.K. Paasikivi – R.Holsti, 13.7.1937. – UMaArk. 5 с 2.

¹⁰⁹ А.М. Коллонтай. Дипломатические дневники. Т. 2. С. 365.

¹¹⁰ Запись беседы В.П. Потемкина с Э. Юлленшерна, 25.7.1937 // ДВП СССР. Т. 20. С.402-403.

коллективной безопасности и обязательств, вытекающих для членов Лиги наций из таких статей ее Устава как 11-я или 16-я»¹¹¹.

Вместе с тем, трудно не усмотреть во все более резких инвективах советской дипломатии влияние общей атмосферы 1937 года. Обличение вольного или невольного пособничества врагу, «двурушничества» внутри СССР, будучи перенесено на область внешней политики¹¹², диктовало открытое противодействие нейтралитету Швеции.

В этой обстановке Коллонтай проявила лучшие качества дипломата. Не оспаривая получаемых указаний, в своих отчетах о встречах с руководителями шведской политики она акцентировала их дружелюбие и подробно воспроизводила аргументы в пользу нейтралитета Швеции. Со своей стороны, премьер-министр Ханссон и глава МИД Сандлер при объяснении мотивов шведской дипломатии подчеркивали обстоятельства, которые перекликались с традиционными опасениями СССР оказаться втянутым в рискованные комбинации. Ханссон подчеркивал, что не располагая возможностями великого СССР, Швеция и другие «маленькие страны, хотят сохранить за собой право суждения и не быть вынуждены механически участвовать в акции, которая может только усилить мировую войну». «К тому же, - многозначительно заявил премьер-министр, - могут быть сложные положения, при которых мы не хотим помимо воли всего шведского народа быть вынужденными поддерживать сторону, которая может “симулировать”, что не она агрессор... Немцы – народ хитрый»¹¹³. Тем самым Стокгольм давал понять, что солидаризируется с беспокойством СССР относительно «мирного подчинения» Германии сопредельных стран¹¹⁴, против чего Лига Наций не только оказывалась бессильна, но и могла обратить санкции против государства, которое вооруженной силой попыталось бы воспрепятствовать «косвенной агрессии». Ремилитаризация Германией Рейнской зоны в марте 1936 г. подтверждала опасность агрессивных действий без создания *casus belli*. В этом контексте министры иностранных дел Норвегии и Швеции подняли в беседах с советскими представителями вопрос о заключении конвенции об определении нападающей стороны¹¹⁵. В общем шведы давали понять, что нейтралитет государств Скандо-Балтийского региона в случае «косвенной агрессии» немцев в Прибалтике явился бы более надежной гарантией безопасности СССР, чем следование доктрине коллективных санкций.

По всей вероятности, к зиме 1937-1938 гг. разногласия в НКВД относительно оценки политики Швеции отошли на задний план – уже хотя бы потому, что как и в предшествующие годы Москва не считала возможным проведение активной политики в северном регионе. В области безопасности Советскому Союзу было нечего предложить

¹¹¹ Письмо В.П. Потемкина С.С. Александровскому, 11.7.1937 // Там же. С. 373-374.

¹¹² Летом 1937 г. полпред в Финляндии применил этот термин для характеристики шведской политики: «Норвегия фаталистически относится к проблеме своего Севера, Швеция – двурушнически...» (Письмо Э.А. Асмуса М.М. Литвинову, 30.7.1937 // Там же. С. 428).

¹¹³ Письмо А.М. Коллонтай В.П. Потемкину, 10.8.1937 // Там же. С. 454.

¹¹⁴ См.: Запись беседы И.В. Сталина с председателем газетного объединения Скриппс-Говард Ньюспейперс Говардом, 1.3.1936 // Там же. Т. 19. С. 106.

¹¹⁵ Доклад А.М. Коллонтай Б.С. Стомонякову, 11.5.1936. – АВП РФ. Ф 05. Оп. 16. П. 124. Д. 135. Л. 40.

шведам кроме «поучительных бесед»¹¹⁶ о неделимости мира. Тема ответного визита Литвинова в Швецию быстро заглохла. К 1938 г. усилилось и общее охлаждение Москвы к участию в международных делах.

Давно ожидаемый аншлюс Австрии резко усугубил европейскую ситуацию. «На этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств...», – констатировал Литвинов в интервью 17 марта 1938 г. Советское руководство заявляло, что оно «по-прежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой войны. Оно согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами»¹¹⁷. Разочарование Москвы в надеждах, которые она возлагала на сотрудничество с западными демократиями и в механизмах Лиги Наций, было очевидным и едва ли не намеренным. Отсутствие отклика стран Запада на этот призыв, создавало для СССР обстановку тупика и подталкивало к изоляционизму¹¹⁸.

На этом фоне поразительной оказалась политическая инициатива шведской дипломатии. 22 марта 1938 г. посланник Э. Юлленшерна поделился с Потемкиным мыслями о необходимости создания противовеса германской экспансии в бассейне Балтийского моря. Они шли гораздо дальше идеи региональной конвенции об определении агрессии, ставшей двумя годами ранее темой зондажных бесед Сандлера с Литвиновым и Коллонтай, поскольку предполагалось, что скандинавские и балтийские страны могут заключить с СССР пакт о взаимной помощи¹¹⁹. Параллельно шведский посланник обратился к старейшине московского дипломатического корпуса Ю. Балтрушайтису, который немедленно передал Потемкину свой разговор с Юлленшерной: «Осуществление такого плана мыслится шведскому посланнику в форме договора о взаимопомощи, который могли бы заключить между собой Швеция, Норвегия, Литва, Эстония и СССР. Такой пакт мог бы быть открытым и для других государств, заинтересованных в противодействии германскому и польскому агрессорам»¹²⁰. Выражали ли эти заявления позицию Стокгольма, остается неясным. Впрочем, привычное разграничение между выполнением указания МИД и личной позицией посланника не отражает практики тогдашней дипломатии Швеции (а также некоторых других стран региона, например, Финляндии и Литвы): за главами дипломатических миссий молчаливо признавалось право на существенную свободу действий, включая проведение зондажных бесед.

¹¹⁶ См.: Письмо А.М. Коллонтай В.П. Потемкину, 10.9.1937 // ДВП СССР. Т. 20. С. 495.

¹¹⁷ Интервью М.М. Литвинова представителям печати 17 марта 1938 г. // Там же. Т. 21. С. 128-129.

¹¹⁸ Заместитель наркома Стомоняков писал полпреду в Китае: «...Мы в настоящее время не ведем никаких международных переговоров и не обсуждаем никаких международных проблем...» (Письмо Б.С. Стомонякова И.Т. Луганцу-Орельскому, 17.4.1938 // Там же. С. 200). Одновременно нарастал кадровый дефицит в аппарате НКВД и в «полпредской сети», что усиливало толки «о нашей самоизоляции» (Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину, 3.1.1939 // Там же. Т. 22. Кн. 1. С. 11).

¹¹⁹ Запись беседы В.П. Потемкина с Э. Юлленшерной, 22.3.1938. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 150. Д. 173. Л. 6.

¹²⁰ В.П. Потемкина. Запись беседы с Ю. Балтрушайтисом, 22.3.1938. – Там же. П. 146. Д. 111. Л. 9.

На Кузнецком мосту были застигнуты врасплох. Потемкин поспешил в тот же день доложить Сталину об инициативе шведского посланника¹²¹, избегая собственных оценок. Донесения Коллонтай сигнализировали об активизации сил, выступающих за политическое сотрудничество с СССР, но не давали повода ожидать столь радикальных предложений со стороны МИД Швеции¹²². «Мысль, высказанная Юлленшерна, по всей вероятности, является подсказанной ему той частью правящих кругов Швеции, которая в настоящей обстановке правильно учитывает, что «опора на Союз» является единственной гарантией для малых стран от растущих и угрожающих и Скандинавии агрессивных appetитов Гитлера», - отвечала полпред на запрос Центра.¹²³ В итоге никакой реакции с советской стороны (например, официального обращения в МИД по поводу заявлений посланника) не последовало, хотя в докладе Потемкину Коллонтай вновь обратила внимание Центра на «*во всех смыслах пассивную*» политику СССР в отношении Швеции¹²⁴. Нельзя не ощутить злой иронии в том, что бессильный призыв Москвы к великим державам собраться для выработки «практических мер» полугодом позже воплотился в мюнхенской конференции (но без участия СССР), тогда как обращение представителя невеликой Швеции о пакте взаимопомощи осталось безо всякого ответа.

В последующие месяцы курс Скандинавских государств на нейтралитет приобрел необратимые формы. Советско-шведские споры об оправданности политики нейтралитета для северных стран утратили практический смысл, и беседы на этот счет велись скорее для проформы. Москва продолжала твердо придерживаться взгляда о несовместимости нейтралитета Швеции с интересами сохранения мира и даже Коллонтай подчеркивала его «вредность в отношении укрепления мира», так как «совершенно очевидно, что трусливо близорукая политика Швеции остаться нейтральной во что бы то ни стало, инспирируется Германией и Англией»¹²⁵. Потемкин повторял как заклинание: «Политика нейтралитета является фикцией [...] Ни одна страна в Европе и, особенно, ни одна страна в области Балтийского моря не может остаться в стороне»¹²⁶.

СССР и шведское общество

Шведский нейтралитет, который Москва тщетно пыталась уложить в русло общих доктринальных оценок, во весь рост ставил проблему контактов между СССР и представителями шведских политических и общественных кругов как условия понимания движущих сил и мотивов Шведского государства.

Для этого существовали хорошие предпосылки. Близкое соседство России и Швеции уже второе столетие не обременяли войны, территориальные споры и связанные с ними

¹²¹ Записка В.П. Потемкина И.В. Сталину (копия В.М. Молотову), 22.3.1938. – Там же. Оп. 18. П. 138. Д. 3. Л. 97.

¹²² Письмо А.М. Коллонтай В.П. Потемкину, 11.1.1938 // ДВП СССР. Т. 21. С. 33-34.

¹²³ Доклад А.М. Коллонтай В.П. Потемкину, 10.4.1938. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 150. Д. 172. Л. 41.

¹²⁴ Там же. Л. 45.

¹²⁵ Доклад А.М. Коллонтай В.П. Потемкину, 10.4.1938. – Там же. Л. 41-44.

¹²⁶ W. Winther – R. Sandler, 29.3.1939. – НР 1. Vol. 515.

предубеждения. Предсказуемость и открытость шведского общества избавлял Москву от опасных неожиданностей. С начала 30-х гг. социал-демократы уверенно определяли повестку развития страны; на выборах в риксдаг 1938 и 1940 гг. СДРПШ получала абсолютное большинство голосов. Уникальное положение и роль СДРПШ предоставляли возможность строить отношения с правительством Швеции, используя общность недавней истории и устремлений международной социал-демократии и русского большевизма, связанные с этим доверительность и доброжелательство. В тогдашней Европе не было, пожалуй, другого государства, политика которого в отношении Советского Союза отличалась столь бескорыстным и неизменным дружелюбием¹²⁷.

Общение полпреда с ведущими социал-демократическими политиками и шведскими министрами подтверждало наличие этого исторического шанса. Министр внутренних дел и социального обеспечения Густав Мёллер («мой друг времен эмиграции»)¹²⁸ нередко делился с Коллонтай конфиденциальными сведениями о позиции членов кабинета и шведского военного командования¹²⁹. Другой левый социал-демократ, министр финансов Эрнст Вигфорсс в 1937 г. «в связи с раскрытием советского шпионажа в Норвегии», вероятно, вполне искренно советовал Коллонтай: «Обратитесь к нам прямо, по-дружески, мы всегда дадим вам откровенный и прямой ответ. От Союза нам скрывать нечего, так как враг у нас один и тот же»¹³⁰. «Холодно-сухой» Р. Сандлер видел в Коллонтай единственного человека, с которым он посреди дипломатического раута мог поделиться тревогой за исход шущбундовского восстания, а она не забывала, что «лично дружила в былые эмигрантские годы» с одним из наиболее активных поборников нейтралитета экс-министром Э. Унденом¹³¹. Многолетняя приязнь связывала Коллонтай с бургомистром Стокгольма Карлом Линдхагеном, его сестрой и женой¹³². Такого рода общение и связанные с этим эмоциональное угадывание мотивов социал-демократического правительства порой озаряли доклады Коллонтай в НКВД и ее личные обращения к Сталину. Вместе с тем в переписке с Центром она не скупилась на уничижительные оценки шведской социал-демократии («трусливая верхушка», «меньшевистская сущность» «истых представителей финансового капитала» и проч.). Наряду с пониманием, что она в любой момент может разделить судьбу товарищей по «рабочей оппозиции» начала 20-х гг., над полпредом довлел рассудочный схематизм в оценке международной политики. К тому же, внутренний протест старой социалистки против «конвенциональной буржуазности» мешал ей понимать шведов. Характерным для интерпретации Коллонтай шведской политики было, например, следующее

¹²⁷ В середине 30-х гг. наибольшее расположение к СССР, порой в экзальтированной форме, демонстрировали Литва и Чехословакия. В первом случае, однако, правильнее было бы говорить об отношениях бедного клиента и патрона, во втором – о сочетании русофильских надежд и международной конъюнктуры.

¹²⁸ А.М. Коллонтай. Дипломатические дневники. Т. 2. С. 128.

¹²⁹ См., например: Доклад А.М.Коллонтай Б.С. Стомонякову (получен 13.2.1936). – АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 20. П. 119. Д. 366. Л. 5-4.

¹³⁰ «Беседы полпреда. Февраль, начало марта [1937]». – Там же. Оп. 21. П. 120. Д. 390. Л. 2.

¹³¹ А.М. Коллонтай. Дипломатические дневники. Т. 2. С. 214, 180.

¹³² С. Дангулов. Александра Михайловна Коллонтай и ее корреспонденты // А.М. Коллонтай. «Революция – великая мятежница...»: Избранные письма 1901-1952. М., 1989. С. 21-26.

заявление на совещании в НКВД весной 1938 г.: «Шведы народ торговый, отсюда вытекает и их политика. Отсюда создается и определенная психология и политика. Именно это их торгашество заставляет их искать и в политике такой для себя обстановки, при которой они смогут продолжать торговать даже в момент войны»¹³³.

Главное, однако, состояло в том, что Коллонтай оказалась едва ли не единственным, «персональным», воплощением контактов СССР со шведским обществом. Это положение угнетало полпреда. Будучи крайне стеснена в ресурсах, руководитель миссии неустанно предлагала Москве проекты оживления экономических и культурных связей, завязывания и развития контактов с писателями и учеными, левыми социал-демократами и влиятельными консерваторами, с армейской верхушкой и т.д.¹³⁴. Эти советы и предложения были реализованы лишь в небольшой мере. Разумеется, аналогичное положение складывалось и в отношениях СССР со многими иными государствами и может быть объяснено общими административными и внутривластными причинами¹³⁵. Швеция явно не входила в число стран, для которых Москва считала необходимым делать исключение. Невозможность реализовать даже программу культурной пропаганды - предполагавшей, среди прочего изучение интересов, положения и мотивации объекта воздействия и, следовательно, его, пусть и одностороннее, понимание – предельно ограничивало кругозор советских внешнеполитических инстанций. Личная дипломатия Коллонтай вносила в государственные взаимоотношения некоторую теплоту, акцентировала общность интересов и целей, помогала завоевывать друзей. Однако на практике эти усилия и даже достижения очень мало помогали Москве понять действительные национальные интересы Швеции (как их осмысливали СДРПШ и другие политические силы), внутренние мотивы и логику ее внешней политики.

Коллонтай не могла оказать существенного влияния на решения в Кремле и даже на Кузнецком мосту. Курировавшие отношения со Швецией в 1934-1937 гг. заместители наркома Стомоняков и Крестинский по складу своего мышления не могли справиться с этой задачей. Внешнеполитические прозрения Потемкина образца 1937 г. основывались на недоразумении (к тому же нелегко отделить его начинания от борьбы за пост наркома). Литвинов, возможно, догадывался о потенциале сотрудничества со Швецией, но считал бессмысленным специально заниматься этой темой (возможно, он опасался, что частичные корректировки курса коллективной безопасности откроют путь к полной ревизии советской

¹³³ Стенограмма совещания у В.П. Потемкина, 4.9.1938. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 150. Д. 172. Л. 27-28.

¹³⁴ Особенно показателен обширный доклад А.М.Коллонтай Н.Н. Крестинскому (август 1936 г.), в котором анализ классовых и социальных сил в их отношении к Германии и СССР преследовал цель обосновать необходимость усилить советское экономическое и культурное присутствие, наладить связи с военными кругами (Там же. Ф. 0140. Оп. 20. П. 119. Д. 366).

¹³⁵ Характерно сообщение руководителя 1-го Западного отдела НКВД: «К большому нашему сожалению, мы не смогли добиться выполнения Вашей просьбы насчет посылки докладчика на Пушкинские торжества. Как мы Вам уже телеграфировали, против этого были решительные возражения. Вообще необходимо принять во внимание, что посылка в настоящее время каких-либо докладчиков, лекторов, артистов и т. д. сопряжена с такими большими затруднениями, что лучше всего на этом не базировать нашу работу» (Письмо М.А. Карского А.М. Коллонтай, 1.2.1937. – Там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 115. Л. 4).

политики)¹³⁶. Что касается Сталина, то его интерес к Швеции в 30-е гг. едва ли выходил за рамки адресованного Коллонтай вопроса: «Отчего у ваших шведских коров такая прямая линия от головы до хвоста по всей спине?». Квинтэссенцию кремлевского понимания Швеции и перспектив отношений с нею выразил, пожалуй, председатель Совнаркома, после «интимного завтрака» с Р. Сандлером заметивший Кагановичу: «Невероятно скучная фигура, ни на какую самозащиту такие не пойдут. Но торговать с ними будем. Транзитная страна»¹³⁷.

Стокгольмский план

В последний предвоенный для Европы год основные линии политических взаимоотношений СССР и Швеции скрестились на проблеме Аландских островов – архипелага, преграждавшего вход в устье Ботнического залива и находившегося под суверенитетом Финляндии.

Международная конвенция 1921 г. подтвердила демилитаризованный статус Аландов, установленный Парижским миром 1856 г. Вместе с тем конвенция не только подтверждала суверенное право Финляндии, но и обязывала ее обеспечить защиту Аландов от внешнего нападения¹³⁸. Эта правовая коллизия послужила для финского генерального штаба поводом к постановке в 1932 г. вопроса о сотрудничестве вооруженных сил Швеции и Финляндии для обеспечения их взаимных интересов. В ходе последовавших консультаций и переговоров политические и военные деятели Финляндии приложили немало стараний, чтобы убедить шведов в принципе согласиться с необходимостью заблаговременного создания на Аландах оборонительных укреплений. Постепенно этот вопрос стал одним из средоточий политики Швеции по обеспечению региональной безопасности на основе сотрудничества северных стран и их неучастия в военно-политических блоках.

Москва внимательно следила за шведско-финской дискуссией по аландской проблеме, ограничиваясь, как правило, неофициальным выражением своей озабоченности. «Аландские острова, находясь в руках Германии, имели бы громадное стратегическое значение для германского нападения на СССР», – объясняли «Известия» в 1936 г.¹³⁹

В 1938 г. шведско-финские переговоры вступили в завершающую фазу. В начале июля экспертам удалось в основном согласовать военно-технические вопросы (размещение гарнизонов и подвижной артиллерии). Стороны договорились, что оба правительства обратятся к государствам-сигнаторам Конвенции 1921 г. и к Советскому Союзу с предложением разрешить ремилитаризацию южной части архипелага в интересах обеспечения его нейтрализации. В связи с этим полпред напомнила МИД Швеции о «категорически отрицательном отношении (СССР. – *Авт.*) к укреплению Оланда, которое

¹³⁶ Этим объяснима почти нарочитая грубость Литвинова в общении с Сандлером в Москве (при вполне уважительных личных отношениях между ними).

¹³⁷ А.М. Коллонтай. Дипломатические дневники. Т. 2. С. 372.

¹³⁸ Reino Arimo. Suomen puolustus suunnitelmat. 1918-1939. III osa. Jääkärien aika. 1925-1939. Helsinki, 1987. S. 461.

Финляндия проводит под шумок по поручению Германии». Министр заверил, что отношение Швеции к принципам конвенции 1921 г. остается прежним, однако ее «надо дополнить в духе усиления гарантий, укрепляющих политику мира»¹⁴⁰. Это был язык коллективной безопасности: на «поучительные беседы», которые вел с ним Литвинов, Сандлер на этот раз дал вполне убедительный практический ответ.

В сентябрьском радиообращении Сандлер заявил: «новые комбинации во внешнеполитической обстановке» требуют, чтобы Аланды, ключ к Балтийскому морю, не попал в руки «какой-либо великой державы». «В этих последних словах – вся разгадка, «ключ не должен попасть в руки какой-либо великой державы», т. е. ни Германии, ни Советского Союза, - комментировала Коллонтай. - Но тут-то и возникает трудность сотрудничества Швеции и Финляндии. При всей кажущейся общности задач, пока еще в политической установке Швеции и Финляндии имеется существенная разница. Финляндия усматривает опасность со стороны СССР и хочет облегчить Германии занятие уже укрепленного пункта Оланд, Швеция же не без основания считает для себя опасным занятие Оланда Германией¹⁴¹. Неделий позже Сандлер и Холсти, по отдельности посетив Литвинова в Женеве, подробно объяснили намерения своих правительств в отношении Аландов (финский министр «говорил прямо о германской опасности»). Нарком иностранных дел ограничился заявлением, что «мы безусловно в этом вопросе заинтересованы, ибо хотя и не собираемся воспользоваться островами, но не можем допустить превращения их в базу военно-морских операций»¹⁴².

Кризис в Центральной Европе и мюнхенская конференция четырех держав усилили недоверие Москвы к дипломатическим заверениям. 11 октября официальный советский орган выступил со статьей «Укрепление Аланда», в которой этот план расценивался как интрига фашистских шведских и финских кругов: «Укрепление Аланда со стопроцентной гарантией превращения архипелага в германскую военную базу – это *заговор против мира* на северо-востоке Европы»¹⁴³. МИД Швеции был задет за живое. Шведский посланник Винтер в беседе с Литвиновым, «показывая на карте соответственные острова», попытался доказать наркому «южное направление предполагаемых сооружений». Неожиданно Литвинов заявил, что статья в «Известиях» не отражает мнения Советского правительства. Тем не менее, он попросил разъяснить, почему «Германия сочувствует милитаризации островов» и с сарказмом реагировал на заверения посланника о том, что Сандлер сочувственно относится к политике СССР. В Женеве, напомнил Литвинов, им пришлось защищать прямо противоположные тезисы «по существенному вопросу о существовании Лиги Наций, которой Сандлер вместе с другими членами группы Осло нанес

¹³⁹ К. Радек «Когда два адмирала радуют об укреплении мира // Известия. 4.5.1936.

¹⁴⁰ Доклад А.М. Коллонтай В.П. Потемкину, 10.8.1938 // ДВП СССР. Т. 21. С. 432-433.

¹⁴¹ Доклад А.М. Коллонтай В.П. Потемкину, 10.10.1938. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 150. Д. 172. Л. 115-117.

¹⁴² См. фрагменты телеграфных сообщений Литвинова из Женевы 14 и 15.9.1938 // ДВП СССР. Т. 21. С. 734.

¹⁴³ Нордикус. Укрепление Аланда // Известия. 11.10.1938.

чувствительный удар»¹⁴⁴. Казалось, Литвинов был не готов понять, что скромный Стокгольмский план представляет собой куда больший практический вклад в дело коллективной безопасности, чем женеvские прения, под аккомпанемент которых началось расчленение Чехословакии.

В конце октября нарком направил Сталину записку о шведско-финском плане¹⁴⁵. Литвинов подчеркивал, что «формально возражать у нас нет никаких оснований», «в отношении СССР Швеция и Финляндия никаких обязательств не имеют, и обращаются они к нам только потому, что признают нашу заинтересованность в данной проблеме». Он предлагал поручить «Наркомобороны и Наркомфлоту изучить проблему и представить в ПБ свои соображения для принятия окончательного решения о нашем ответе Швеции и Финляндии»¹⁴⁶. Общая тональность записки свидетельствовала о сочувствии Литвинова аландскому проекту; к тому же его тезис об отсутствии у СССР правовых оснований для возражений являлся далеко не бесспорным¹⁴⁷. С другой стороны, глава НКВД вряд ли сомневался в том, что военные ведомства воспротивятся ремилитаризации архипелага. Действительно, руководители Генерального штаба и Главного морского штаба усмотрели в шведско-финском плане угрозу действиям Балтийского флота и предпосылку усиления позиций Германии и высказались за «необходимость сохранения Або-Аландского архипелага в демилитаризованном состоянии»¹⁴⁸. Советские военные отказывались думать, что частичное вооружение Аландов шведами и финнами может помешать установлению Германией контроля за устьем Ботники.

На конференции в Стокгольме 5-7 января 1939 г. аландский план был окончательно утвержден правительствами Швеции и Финляндии, и шведский посланник немедленно обратился в НКВД с запросом от отношении к нему правительства Союза ССР. Несколькими днями позже Литвинов направил Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) записку по аландской

¹⁴⁴ Запись беседы М.М. Литвинова с В. Винтером, 21.10.1938. – АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 22. П. 121. Д. 406. Л. 20.

¹⁴⁵ Постановление Политбюро о подготовке вопросов для Политбюро ЦК ВКП(б), 14.4.1937 // Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов / О.В. Хлевнюк и др. М.: АИРО–XX, 1995. С. 55.

¹⁴⁶ Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину (копии В.М. Молотову, Л.М. Кагановичу, К.Е. Ворошилову и Н.И. Ежову), 25.10.1938. – РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 27. Л. 26-28.

¹⁴⁷ Основываясь на рекомендации юридического советника, руководитель Северного департамента Форин Офиса пришел к заключению, что поскольку конвенция 1921 г. лишь подтвердила демилитаризованный статус Аландов, установленный Парижским мирным трактатом 1856 г., СССР как правопреемник одной из подписавших его держав имеет право вето на изменение этого статуса (Thomas Munch-Petersen. Great Britain and the Revision of the Åland Convention, 1938-1939 // Scandia. 1975. P. 73).

¹⁴⁸ Справка по вопросу об укреплении Або-Оландского архипелага, 3.11.1938. – РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 132. Л. 3-5 (проект, подписанный, начальником Главного морского штаба РККФ Л.М. Галлером и военным комиссаром Гавриловым; наличие подписей начальника Генерального штаба РККА Б.М. Шапошникова и военного комиссара Гусева удостоверено старшим командиром флота). Первый экземпляр был направлен Ворошилову, второй предназначался для хранения в делах Генштаба РККА, но затем был возвращен в ГМШ. Причиной превращения являлось устранение (вероятно, в НКО) пункта 9 подписанной Галлером справки: «С международно-правовой точки зрения протестовать против милитаризации Або-Оландских островов мы не имеем формальных прав...» (Там же. Л. 5).

проблеме. Напомнив, что вопрос был им поставлен еще 25 октября прошлого года, «был тогда как-то затронут обсуждением, но решение было отложено»¹⁴⁹, нарком вновь отметил, что «те или иные мероприятия шведов и финнов на Аландских островах не нарушают каких-либо обязательств в отношении СССР». Обращая внимание Сталина на корректность поведения шведов и финнов, он прямо указал, что «возражения могут быть истолкованы в том смысле, что мы как будто заинтересованы в беззащитности островов и Ботнического залива»¹⁵⁰.

Вместо ответа на запрос Стокгольма и Хельсинки Политбюро 13 января 1939 г. решило «потребовать от Финляндии гарантии (если возможно обменом нот) недопущения использования укреплений третьими странами против советского флота или в качестве морской базы, угрожающей СССР»¹⁵¹. Постановление Политбюро, с одной стороны, как будто предполагало, что «укрепление» Аландов – дело решенное. С другой стороны, эта формулировка указывала, что в Кремле предпочли бы разговаривать с финнами без участия подозрительных третьих стран (привлечение которых усилило бы позицию финской стороны).

Шведы не теряли надежды. Посланнику Винтеру казалось, что «сейчас происходит смягчение официальной позиции в направлении большего понимания шведско-финских планов»¹⁵². В конце января правительства Швеции и Финляндии направили государствам-сигнаторам Аландской конвенции и Советскому Союзу ноты, в которых указывалось на желательность внесения в нее изменений (пересмотр положения о демилитаризации южных островов) и, на основе решения Совета Лиги Наций, разрешить Финляндии осуществление ограниченных оборонительных мероприятий в течение последующих десяти лет.

25 января Винтер вручил Литвинову ноту своего правительства, получив в ответ обещание скорого ответа. В соответствии с решением Политбюро нарком заявил, что СССР нужны гарантии от превращения Аландских островов в базу операций германского флота. В беседах с финскими дипломатами этот тезис был выдвинут еще годом ранее, но шведы столкнулись с ним впервые¹⁵³. Министр иностранных дел «в довольно взволнованном тоне, который у него бывает редко», поставил перед Коллонтай вопрос: «Скажите прямо, почему Советский Союз отрицательно относится к вооружению Аланда? Какие у вас конкретные причины считать, что вооружение Аланда не служит нашей общей цели – обороне этих островов и нашим интересам против возможной агрессии?». Объяснения собеседницы, повторявшей «наши обычные доводы», министр парировал новыми вопросами: «Может ли, захочет ли Советский Союз взять на себя гарантию защиты Швеции от агрессора, если мы не

¹⁴⁹ Вероятно, обсуждение состоялось вечером 2 ноября с участием членов комиссии Политбюро по внешнеполитическим делам (Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Ежов) и руководителя Ленинградского обкома, председателя комиссии по иностранным делам Верховного Совета СССР Жданова (см.: Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 5-6. С. 23).

¹⁵⁰ Записка М.М.Л. Литвинова И.В. Сталину, 11.1.1939 // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 31.

¹⁵¹ Протокол № 67 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 21.1.1939, решение от 13.1.1939 // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. С. 368.

¹⁵² W. Winther – R.Sandler, 11.1.1939. – HP 1. Vol. 515.

¹⁵³ Krister Wahlbäck. *Finlandsfrågan i svensk politik*. Stockholm, 1964. S. 146.

укрепим Аланда?»; «считаете ли вы, что оборона нейтралитета Аланда будет более эффективной, если мы откажемся от участия в ней и контроля над Аландом, и оборона окажется всецело в руках одной Финляндии?». Аргументация полпреда в общем сводилась к тому, что вооружение архипелага «создает подготовленную базу для агрессора». Поэтому в завершение встречи Сандлер просил передать Литвинову запрос: «Какие конкретные предложения могут быть сделаны в этом вопросе со стороны СССР?»¹⁵⁴

В феврале-мае 1939 г. шведский посланник пять раз официально обращался в руководство НКВД с просьбой сообщить об отношении СССР к укреплению Аландов (Винтер четырежды говорил об этом с Потемкиным – 25 февраля, 17 марта, 2 апреля и 14 мая¹⁵⁵, и 11 марта с Литвиновым). Советская сторона не могла ни однозначно определить свое отношение к шведско-финским предложениям, ни предложить собственного решения. «Мы не можем быть уверены в том, что Германия, решившись на какую-либо авантюру, не потребует от Финляндии хотя бы временной передачи ей островов, а та добровольно, либо под угрозами, может быть заранее согласованными, уступит такому требованию. Эта возможность, конечно, существует и теперь, но одно дело получить острова в нынешнем состоянии, другое дело – уже укрепленными и оборудованными для военных операций. Мы хотим иметь гарантию, что этого не будет ни при каких обстоятельствах. Мы еще не решили о форме гарантии. Наилучшей гарантией было бы улучшение отношений с Финляндией и укрепление взаимного доверия, о чем мы сейчас и ведем переговоры с финским правительством», - объяснил Литвинов Винтеру¹⁵⁶.

5 марта 1939 г. нарком иностранных дел передал официальное предложение правительству Финляндии о сдаче СССР в аренду на 30 лет четырех островов в Финском заливе, добавив, что согласие Хельсинки «окажет благотворное влияние... на разрешение вопроса об Аландских островах»¹⁵⁷. Новые предложения расходились как с советской переговорной позицией, выстроенной на тезисе о рискованности создания «укрепленной базы», которая может попасть в руки Германии, так и с январской директивой Политбюро требовать гарантии. Между тем, правительство Финляндии заявило о готовности «обсудить обмен нот и гарантировать непередачу (sic) островов» Аландского архипелага третьим государствам. Аналогичное заявление сделал и Винтер¹⁵⁸. Наркому пришлось категорически отвергнуть этот вариант, заявив, что «надо сперва разрешить вопрос о других островах, чтобы укрепить взаимное доверие и улучшить отношения, и это будет лучше, чем бумажные гарантии»¹⁵⁹.

«Новый поворот» в переговорах об Аландах сильно встревожил Стокгольм. В середине марта Р. Сандлер вызвал к себе полпреда, чтобы предупредить: правительство и общественность Швеции солидарны с отрицательным отношением Финляндии к пересмотру

¹⁵⁴ Доклад А.М. Коллонтай М.М. Литвинову, 10.2.1939 // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 120-121.

¹⁵⁵ Записи этих бесед см.: АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 23. П. 122. Д. 420. Л. 6, 10, 12, 13.

¹⁵⁶ Запись беседы М.М. Литвинова с В. Винтером, 11.3.1939 // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 175-176.

¹⁵⁷ Телеграмма М.М. Литвинова В.К. Деревянскому, 5.3.1939 // Там же. С. 163.

¹⁵⁸ См.: Письмо М.М. Литвинова А.М. Коллонтай. 13.3.1939. // Там же. С. 177.

¹⁵⁹ Телеграмма М.М. Литвинова Б.Е. Штейну, 13.3.1939 // Там же. С. 176.

границ, в создании такого прецедента может быть заинтересована только Германия¹⁶⁰. Министерство иностранных дел все же надеялось, что СССР в конце концов согласится со Стокгольмским планом. В этих надеждах шведов укрепляли сдвиги в отношениях СССР с западными державами после фактического аннулирования Гитлера мюнхенского соглашения. 17 апреля Сандлер сообщил комитету по внешней политике об обещании Коллонтай передать ответ советского правительства в ближайшие дни, а 2 мая, подтвердил, что ничто не предвещает отказа Москвы. Расчеты шведов были небезосновательны.

19 апреля Литвинов в третий раз обратился к Сталину с предложениями по аландскому вопросу. Пояснив, что «для оказания давления на финское правительство» он уклонялся от ответа на финскую и шведскую ноты относительно Аландов, он подчеркивал: «Дальше оттягивать, однако, нецелесообразно, так как осталось мало времени до сессии Совета Лиги, где вопрос будет обсуждаться. Нам выгоднее попытаться что-нибудь получить от Финляндии до сессии Совета, где можно оказаться в единственном числе возражающими против финско-шведских предложений»¹⁶¹.

Намекая на постановление Политбюро от 13 января нарком фактически предлагал отказаться от принятого в Кремле в начале марта решения об условиях переговоров с Финляндией. Условия компромисса Литвинов сформулировал в проекте ответной ноты СССР. В ней предлагалось зафиксировать, что «СССР является: *единственным* европейским государством, заинтересованность которого под вышеуказанным углом зрения *не уступает интересу Финляндии и Швеции*». Интересы безопасности этих трех стран при этом предлагалось рассматривались как в принципе взаимно совместимые и дополняющие друг друга. Поэтому «Советское правительство готово было бы, не соглашаясь со всеми положениями, приведенными в финской (шведской) ноте, благожелательно отнестись к финско-шведским предложениям, если бы оно получило формальные гарантии, что ни при каких обстоятельствах ни в мирное, ни в военное время, ни в порядке добровольных уступок, ни под угрозами Аландские острова не будут уступлены и не будут предоставлены даже во временное пользование какому бы то ни было третьему государству, причем Советское правительство оставило бы за собою свободу действий в случае нарушения такой гарантии»¹⁶².

Литвиновский проект выразил глубокое понимание потребностей коллективной, т. е. взаимной, безопасности на Балтике и по сути совпадал с предложениями Швеции и Финляндии (о чем нарком умолчал в послании Сталину). При этом проект Литвинова содержал гарантии непосредственных интересов СССР, повышал его статус в регионе и предусматривал международно-правовые возможности вмешательства Советского Союза в возможный конфликт вокруг Аландов.

¹⁶⁰ Запись беседы А.М. Коллонтай с Р. Сандлером, 15.3.1939 // Там же. С. 189.

¹⁶¹ Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину (копии В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову), 19.4.1939 // Там же. С. 297.

¹⁶² Там же. С. 298-299.

Предложения Литвинова были отвергнуты Кремлем. Третьего мая он был смещен со своего поста¹⁶³. Советский делегат в Совете Лиги Наций наложил вето на одобрение Стокгольмского плана. В докладе на сессии Верховного совета 31 мая – первой из серии печально известных молотовских речей 1939-1940 гг. – глава СНК и НКВД СССР, рассуждая об аландском вопросе, наметил имперско-изоляционистские ориентиры советской внешней политики. «Заинтересованность Советского Союза в вопросе вооружения Аландских островов не только не меньшая, а большая, чем у Швеции», - лгал Молотов¹⁶⁴.

* * * * *

Является очевидным, что в 1930-е гг. руководители внешней политики Советского Союза не только не сумели, но и не слишком старались найти ответ на ключевые вопросы, которые сформулировала семьдесят лет назад Коллонтай и слова которой авторы этой статьи избрали эпиграфом. Потенциалом развития отношений со Швецией в Москве фактически пренебрегли, тем самым подрезав крылья политике отстаивания своих интересов в рамках коллективных усилий по сохранению мира. Внимание к интересам партнера, уместность компромиссов признавалась лишь перед лицом великих держав, что и делало СССР заложником отношений с великими державами, вместо того чтобы осознать и стремиться к отстаиванию своих интересов вместе с теми государствами, прежде всего соседними, с которыми его объединяли реальные заботы, история, культура и география. Сочетание схематизма мышления с неуверенностью в себе и чувством собственного превосходства, идеологической неприязнью и самодовольством большой страны разъедали политику коллективной безопасности, заводили ее в тупик, сводили к безответственной риторике.

В послевоенной Европе перед Советским Союзом открывалось два пути – либо поставить во главу угла собственную *безопасность*, понимаемую как результат сделки с великими державами, либо *коллективные* усилия по совместной защите интересов всеми странами готовыми к такому сотрудничеству. Предложения Литвинова о поддержке Стокгольмского плана, вызвавшие тайное сочувствие Коллонтай и Майского, стали внешне неярким, но логичным увенчанием его многолетних усилий по организации коллективной безопасности – наконец-то СССР отказывался от противодействия Швеции в ее усилиях сыграть конструктивную роль на Балтике, нейтрализовать Финляндию, сохранить мир в жизненно важном для России восточно-балтийском регионе. Однако верх окончательно взяла политика давления на слабого и заискивания перед сильным, а вместе с этим и заметная с середины 30-х гг. тенденция рассматривать Швецию как государство, которому в любом случае придется считаться с могучим СССР, приспособливаться к его действиям и интересам.

¹⁶³ Об обстоятельствах отставки Литвинова см.: Albert Resis. The Fall of Litvinov: The Harbinger of the German-Soviet Non-Aggression Pact // Europe-Asia Studies. Vol. 52. No. 1 (Jan. 2000). P. 33-56.

¹⁶⁴ О международном положении и внешней политике СССР: Доклад Председателя СНК и наркома иностранных дел СССР на сессии Верховного совета СССР 31 мая 1939 г. // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 429-430.